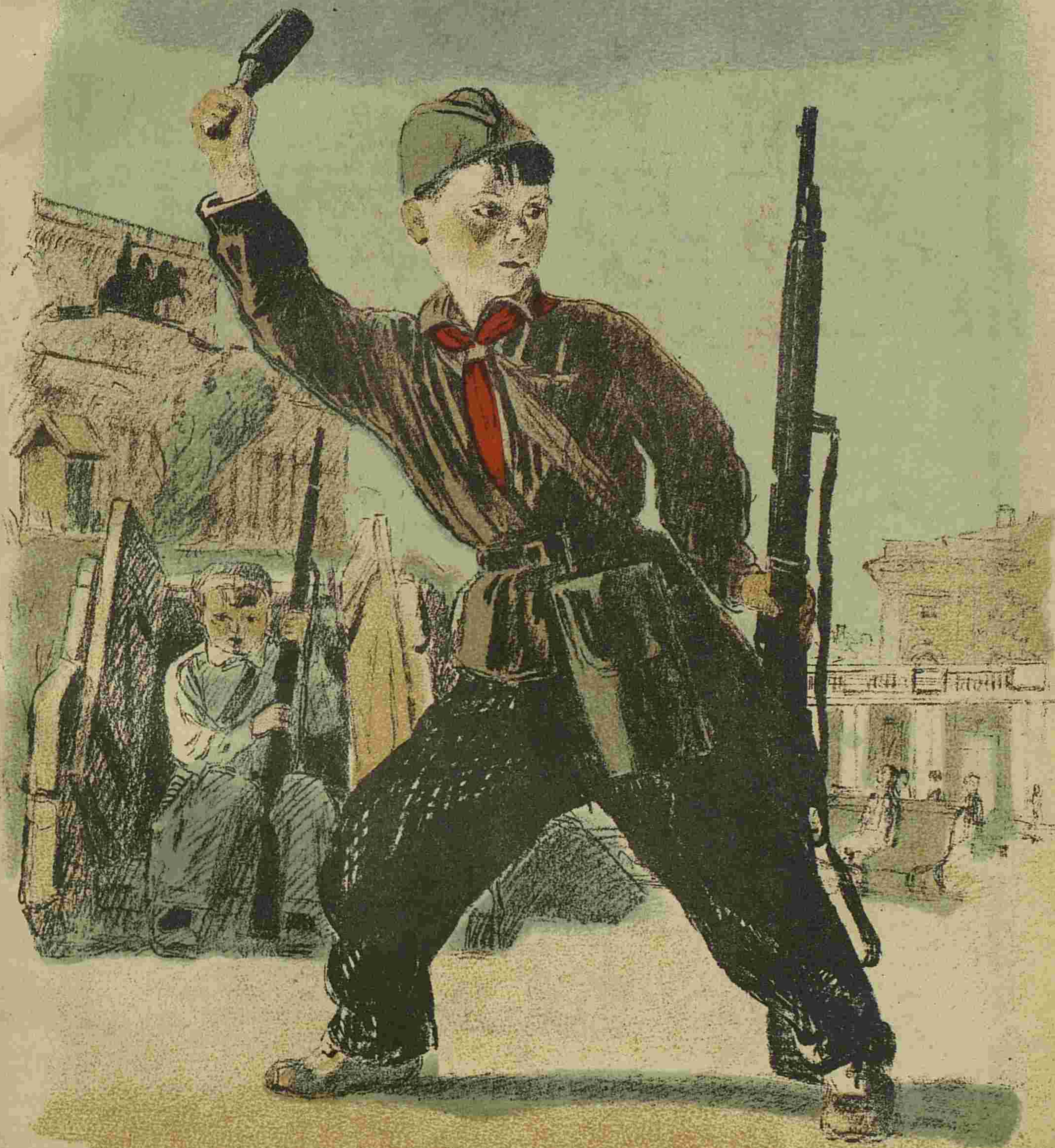

КОСТЁР

6

СУВОРОВ

И СТАРЫЕ

СОЛДАТЫ

Великий полководец Суворов высоко ценил бывалых солдат. Его старые „товарищи-сослуживцы“, как он их называл, поддерживали в войсках суворовский боевой дух.

Во время войны в Италии в 1799 году в действующую армию прибыла новая дивизия. После смотра дивизии Суворов приказал привести к нему старых солдат. Солдаты собрались на квартиру Суворова. Вот как рассказывал об этой встрече гренадер Азовского пехотного полка Михаил Михайлович Огнев:

„Суворов вошел к ним и поздоровался: „Здравствуйте, чудо-богатыри! Здравствуйте, старые товарищи, русские витязи!“ — и подошел ко мне. „А, Михаил Михайлович! Здравствуй, Миша!“ — и поцеловал меня. — „Здоров ли ты, Михаил Михайлович? Помнишь ли: на Кинбурнской косе ты в сражении два раза спас меня от смерти“... Нас было человек около полсотни, — продолжал ветеран свой рассказ, — и почти всех по имени знал Александр Васильевич, и все с ним были в Крыму, на Кубани, на Пруте, при Рымнике, на Дунае и в Польше, и со всеми он говорил, и всякому дал свое слово ласковое.

Суворов за время своей службы, изучая солдат, отличал тех, кто был храбр, давно служил в полках. Он не только знал героев по имени, отчеству, но и сам давал им прозвища. Подъехав как-то на походе 1794 года к Азовскому пехотному полку, Суворов сказал командиру роты: „А что, Федор, где Миша Огнев, где Сокол, где Орел?“ — „Здесь“ — ответил командир и вызвал их.

— Здравия желаем, отец наш Александр Васильевич! — грянули гренадеры, выступившие вперед.

— Здорово, братцы... Вы — богатыри... Вчера я видел, как вы быстро, славно коледи врагов... Ты, Михайла, будь Огонь — Огнев, а ты, — обращаясь к Воронову, — Сокол, а ты, — Голубцову, — Орел.

Питомцы Суворова всегда гордились этими почетными прозвищами.

Суворов никогда не пренебрегал опытом старых солдат.

Рассказы старых солдат о войнах, их боевой опыт помогали офицерам воспитывать молодых солдат. Командиры были уверены, что в трудную минуту ветеран всегда поведет за собой молодых и даже поможет офицеру.

В сражении при Денневице в 1813 году в Германии старый солдат штаб-трубач Изюмского гусарского полка Ермаков участвовал в кавалерийской атаке. Колонна противника была изрублена лихими русскими гусарами. Ермаков остановился после атаки. Ожидая приказа командира полка, за которым он следовал, Ермаков осматривался кругом. Внезапно он заметил, что в пыли и дыму сверкают сабли и мелькают султаны и мундиры французской кавалерийской колонны. Французы, как сразу догадался старый солдат, намеревались скрытно атаковать Изюмский полк. Трубач поднялся на стремянах и затрубил сбор. Затем построил подоспевших гусар, выхватил саблю и, закинув трубу за спину, крикнул: „За мной, в атаку!“ Гусары врुбились в колонну полка и задержали ее. Тем временем командир полка собрал другие батальоны, и наступление французов было остановлено.

Так храбро и умело сражались старые испытанные солдаты — питомцы Суворова.

П 29

416

КОСТЁР

6

СЕНТЯБРЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОК и ГЕ ВЛКСМ ★ 1943 ★ ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

— Мы будем учиться отлично—это наш долг,
долг школьников города-фронта!

★

2000 миль под водой

А. Зонин

Рис. Н. Петровой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я МЕЧТАЮ СТАТЬ МОРЯКОМ, БРУШЕНИЕ МОИХ ПЛАНОВ

Я прочитал указ о присвоении звания Героя Советского Союза майору Филиппу Савельевичу Лопухину. В верхнем углу газетной полосы помещен его портрет. Много лет (до одного события, о котором речь впереди) я не слышал о Филе Лопухине, но сразу узнал в майоре моего приятеля по школе горнозаводского ученичества. Вы бы прежде всего заметили сжатые губы майора, твердые линии его щек и подбородка, всё то, что обнаруживает силу, стойкость и привычку управлять боем в воздухе. Но мне дороги в этом лице дерзко-лукавые глаза, задорно-вздёрнутый нос и упрямый вихорок на макушке ладной головы.

Это — неизменившиеся юношеские черты, и они живо напомнили мне время, когда Филя гонял голубей, с завистью следил за их парением и курбетами в воздухе, хлопотал в ячейке Осоавиахима о постройке парашютной вышки и приобретении планера. В моей памяти встал и я сам — коренастый, не очень общительный парнишка, ходивший в разведку и воображавший себя штурманом дальнего плавания. Ах, как хотел я стать моряком и как спорил с Филей об опасностях жизни моряков и летчиков! Для мальчиков величина опасности всегда равняется значению профессии. Я, конечно, считал, что побеждать стихию в океанах труднее, а Филя был убежден, что первенство в смелости — за летчиками.

Смешно теперь, на третьем году Отечественной войны, когда и в море и в воздухе нашими людьми совершены необычайные подвиги, вспоминать, как ожесточенно насканивали мы друг на друга. Смешно — и немножко грустно.

Я не завидую славе и удаче Филе. Я даже горжусь тем, что Лопухину выпал такой успех. Могу назвать свое чувство хозяйской гордостью. Я испытываю удовлетворение всякий раз, когда убеждаюсь в том, как быстро у нас в стране растут люди. Как бы часто ни повторялись сообщения о подвигах неизвестных мне Петровых и Ивановых, мужчин и женщин, я продолжаю испытывать глубокое волнение. Не в словах суть, а в труде, в жертвах, приносимых для счастья народа.

Я сказал, что не завидую Филе, но мне грустно. Это оттого, что мне не удалось, как Филе, выполнить свои юношеские планы, и теперь, в войне, я могу быть только честным рядовым бойцом. Я не стал морским офицером, хотя не разочаровался в значении деятельности моряка, а море люблю гораздо серьезнее, чем в юности. Да, это стихия, которая дает простор лучшим чувствам человека, сурово требует мужества и отваги.

И, как гражданин, я понимаю великое значение морей для нашей Родины. Они с трех сторон составляют границы нашего государства. Они могут враждебно разъединять нас с остальным миром и могут дружески соединять с человечеством. Будет у нас много портов, кораблей и моряков, — моря будут служить нам. Моря признают только подчиняющую их силу. Это в их природе. Они коварно смеются над теми, кто лишь любит ими с берега.

Я опять отвлекся в сторону. Когда и почему я начал думать о профессии моряка? Трудно отчетливо разобраться. Мы росли в угольном районе, и море было от нас далеко. В нашем городке видели море только в кино, зато хорошо знали, какие сорта угля нужны для паровых топков. Но море оставило след в истории нашей богатой земли. В школе, помню, как я удивился, узнав, что мы ходим по древнему морскому дну. Я научился находить остатки этой жизни моря в отпечатках растений и исчезнувших организмов на породе и блестящих кусках угля. Вероятно, тогда я ощутил гигантскую силу моря и почувствовал желание видеть эту стихию, которая продолжает изменять мир. Книга Жюль Верна „8000 миль под водой“ пробудила мою фантазию. Как интересно было бы скользить в подводных глубинах на корабле Немо, с профессором Аронаксом бродить по дну океанов и видеть живым то, что я вижу сейчас черным и окаменелым! Моя фантазия потянула меня к книгам о море и моряках.

В клубе нашего шахтоуправления работала Маруся Старикова. Она была очень юной библиотечаршей, но она знала все книги, которые мне было интересно читать. И вот из романов Марриетта и Купера возник передо мною полный соблазна приключений быт моряков. Бом-брам-реи, ванты, марсели были для меня не названиями предметов, а звучащими голосами таинственно прекрасной жизни, в которой и я сражался, и, работая на парусах, усматривал враждебный берег и мужественно переносил кораблекрушения. Я читал о путешествиях Кука, Дюмон-Дюрвиля, Лаперуза, Магеллана, Беринга, Головнина, Крузенштерна с Лисянским, Беллинггаузена, Лазарева, Невельского, Амундсена, Седова. Познакомился с биографиями Нельсона, Ушакова, Нахимова. Плакал от досады, что бездарный Рождественский обрек храбрых русских моряков на разгром у Цусимы. Я изменял ход русско-японской войны, спасая в своих мечтаниях адмирала Макарова от гибели на „Петропавловске“. Мне казалось, что я посещаю вместе с героями Джозефа Конрада и Джека Лондона лагуны прекрасных тропических островов, участ-

вую в смелой борьбе с тайфунами. Я трепетал, увидев на перроне станции или в окне вагона бескозырку с золотыми якорями на концах ленты, полосатую тельняшку, воротник с романтическим названием „гюйс“. Я был активным комсомольцем и мечтал, что меня признают достойным кандидатом от нашей организации для поступления во флот.

Нам с Филей было по пятнадцати лет, и мы жаловались друг другу, что еще много времени до исполнения наших желаний, что зря пропадают наши лучшие годы. Кажется, Филя ответил, что я счастливее его: в Ростове и Одессе можно учиться в мореходке, в техникуме, готовящем моряков для Совторгфлота, и туда принимают с шестнадцати лет. Возможно, я бы добился у отца согласия на отъезд, но произошли события, изменившие мою жизнь.

— Гриша, — сказала как-то Маруся, — приходите сегодня в клуб.

— А что там будет? — спросил я, протягивая руку за книгами. Мне не терпелось скорее оказаться в нашем садике меж кустов сирени, где я устроил себе уголок для чтения.

— Будет встреча с курсантом военно-морского училища Климовым... Петей Климовым. Он расскажет о своих плаваниях.

— Вот здорово! — воскликнул я. — Вы знаете, Маруся, я собирался ему письмо написать. Мне не очень хочется в торговый флот, а может быть есть подготовительный класс в его училище.

— Возможно. Петя должен знать. Он старшина на своем курсе,

Тогда я не понял, почему Маруся так хорошо осведомлена о Климове и почему на ее щеках появились красные пятна. Я приписал это духоте в библиотечном помещении и помчался домой, чтобы не опоздать в клуб.

Конечно, я явился на доклад Климова одним из первых. Я ходил и мысленно беседовал с Климовым. Он одобрял мое решение и даже предлагал теперь же уехать с ним в Ленинград, обещая помочь поступить в училище. В действительности же, когда Климов пришел, я оробел и не решился пробиться в кольцо старших парней и девушек, окруживших курсанта.

Доклад по началу мне не очень нравился. Климов явно не был увлекающим оратором, и потом, при всей случайности выбора книг для чтения, я уже больше знал об истории флота и его роли в истории нашей страны, чем мог рассказать нашей аудитории докладчик. Помнится, меня не увлекла и та часть доклада Климова, в которой он рассказывал о большом походе на учебном корабле. Мне казалось, что в романах Жюль Верна и Луи Жаколио есть более важные подробности о норвежских фиордах, Нордкапе и арктических льдах. Но вот о подводных плаваниях Климов заговорил совсем по-иному.

Как новеллы приключений звучали его рассказы об опасностях, которые подстерегают подводников даже в мирное время, и об успехах, которых они могут добиться в войне. Голос Климова стал глухим, напряженным. Горбоносое лицо как-то стянулось и побелело. Украшенные татуировкой руки сжимали доску кафедры. Мне особенно запомнились слова Климова о немецких подводниках первой мировой войны. „Мы, советские моряки, хотим и сумеем в искусстве подводного плавания и подводной войны превзойти немецких ассов. Они были пиратами, их дерзость была от звериной ярости. А если и нам придется воевать, наших людей будут воодушевлять великие идеи свободы, справедливости. Это сильнее разбойничьего презрения к жизни. Это вырастит таких подводных партизанов, кото-

рые на любых коммуникациях врага будут топить вражеские корабли“.

Какими наивными, жалкими показались мне мои мечтания о море! Перед нами был моряк, который видел перед собою ясную цель и знал, что для этой цели нужно делать. Я посмотрел на Марусю. Она, кажется, ничего не видела, кроме Пети Климова, и глаза ее сияли, — да, именно так: они излучали свет.

Несколько раз наше собрание аплодировало Климову. Крепко били в ладошки, когда Климов сказал, что за развитием нашего подводного флота следит товарищ Сталин. Аплодировали, когда Климов сравнил жизнь на подлодках с работой в шахтах.

— Вы, товарищи, и наши отцы шахтеры работаете под землей, а мы, подводники, — под водой. И вам и нам угрожают одинаковые опасности. И вы, как подводники, сильнее страха.

Это сравнение вдруг приблизило к нам открытый Климовым мир подводных плаваний и вызвало хорошее чувство гордости за горняцкое дело у многих ребят. Но для меня это приближение сделало невозможным дальнейшее ожидание перемен.

А тут еще после доклада нам показали морскую кинокартину. Я не помню названия фильма — старенького, рваного, — отчетливо помню только, что беспредельный океан катился на меня, что рукой было подать до широких палуб, что я чувствовал себя совсем рядом с мужественными моряками.

Мое сердце сжималось от тоски, когда я вышел на площадь, усыпанную шлаком. Ветер нес из степи горький полынный запах, ночной воздух был сух, над нами искрились крупные звезды. Звезды, которые сейчас помогали тысячам моряков находить пути в океанах! Остановившись на лунной дорожке, я ждал появления Климова. И опять я не решился подойти: Климова продолжала окружать дружная компания. Он шел под-руку с Марусей. Нет, ему было сейчас не до расспросов, но главное — я не мог в эту минуту обнаружить перед посторонними людьми свое волнение, свое напряженное, натянутое, как струна, желание.

Я искал Филю, чтобы сказать другу всё, что я почувствовал в этот вечер, я верил, что и он должен проникнуться благоговением к трудной и отважной профессии подводника. Но он вдруг вынырнул из толпы и пригнулся к моему уху, и его прерывистый шопот вернул меня к жизни горняцкого поселка:

— В шахте несчастье! Бежим, Гришка!

Нас не пустили к копру шахты. Цепь милиционеров и молчаливых рабочих окружала двор и сдерживала родных, матерей, жен, рвавшихся вперед с криками и плачем. Мы тоже безуспешно пытались добраться до проходной.

Нас сдавила толпа, и мы с Филькой говорили шопотом, будто наши громкие голоса могли усилить несчастье. Мы уговаривали наших матерей успокоиться, — разве не было случаев чудесного спасения даже после многих дней, проведенных под землей? Мы прислушивались к звукам лебедки, — кого поднимала клеть из колодца шахты? Мы удивлялись, что на сортировке продолжалась работа и вагонетки с углем, как всегда, катились по рельсам к погрузочным мосткам.

Должно быть уже на исходе ночи, потому что из темноты выплыла пирамида отвала, вынесли носилки к машинам скорой помощи. Моей мамы в это время не было. Она ушла к оставленным дома младшим ребятам, приказав мне вызвать ее, если поднимут отца. Я сумел прошмыгнуть вперед. Из проходной шли легко раненые и здоровые, но они

были не из забоя отца. Его забой и забой Василия Климова не были освобождены от завала. Чтобы подступиться к ним, нужно было время... Мне об этом никто не рассказывал. Я уловил сущность положения по скупым фразам, которыми обменивались взрослые. Потом я увидел Петра Климова с киркой и шахтерской лампочкой. Он переоделся и отправлялся вниз со спасательной партией.

Я вернулся домой. Мать уже не плакала. На плите в баке кипятилось детское белье, а она сидела тут же у окна и пришивала пуговицы к штанишкам брата, с каким-то ожесточением откусывая нитку.

— Ложись спать, Гришенька,—сказала она.

Я ушел в комнату. Со станции доносились редкие паровозные гудки, и каждый звук, казалось, только подчеркивал могильную тишину дома. Мне было тяжело потому, что я любил отца. Он поощрял мое чтение, интересовался моими книгами, хотя никогда не видел ничего, кроме своего штрека, и не тяготился этим.

— Шахтер, Гришка, всякую специальность может произойти, — говорил он. — Шахтерская порода крепкая. Уголек рабочего человека не балует.

Ему нравились в моих пересказах книг не картины спокойного океана, а рассказы о борьбе со льдом и десятибалльными штормами.

— Это хорошо, что море не всегда нежит человека. От нежностей мамкины сыночки выходят, а не работники государству.

Вы не подумайте, что он был суровым отцом. В день полочки он приносил нам кульки сладостей. Он пел нам грустные и веселые украинские песни и заставлял мать присоединять я к нему. Неужели он никогда не войдет в дом с шуточным приветствием?

Так прошла ночь. Наступил день — воскресенье. Я сидел в жесткой, пыльной траве под палящим солнцем и думал обо всем этом, когда ко мне подошел Филька. Он пытался отвлечь меня каким-то разговором, но скоро убедился, что я могу думать только об отце. Шли часы, а из шахты не было никаких вестей. Моя мать была спокойнее, чем вчера, заставила меня поесть и потом уговорила отдохнуть, положив голову на колени. Я неожиданно для себя уснул на много часов. Когда я открыл глаза, в солнечных лучах уже багровели стекла новых жилых корпусов за пустырем. Мать сидела неподвижно и строгим взглядом смотрела в степь. Ее пальцы нежно гладили мои волосы. Быть может, она думала, что смерть отца оборвет мое беспечное детство.

Отца вынесли ночью. Он был отравлен газами: щеки синие, вздутые, глаза остекляневшие. В горе и хлопотах о похоронах я не следил за дальнейшими спасательными работами. Позже я узнал, что Василий Климов тоже умер. Петр сам нашел своего отца. Я увидел Климова только один раз в библиотеке. Он что-то тихо говорил Марусе, и она серьезно слушала его. Потом он увез свою мать и больше не возвращался в наш городок. А я начал работать в шахте и простился с мыслью о профессии моряка.

Я РАБОТАЮ В ШАХТЕ. ПОЗОРНЫЙ ДЛЯ МЕНЯ ДЕНЬ. МАМА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

В нашей школе было хорошо поставлено преподавание физики, особенно практический курс по электричеству.

В шахтах вводились врубовые машины, перфораторы, электрические отбойные молотки. Шахтам нужны были электрики. Хотя я не думал работать в шахте, я старательно усваивал курс физики,

считая, что он пригодится мне на военно-морской службе. Моряки, бывавшие в нашем городке, рассказывали, что электрики на военных кораблях нужны даже во всех специальных службах — в артиллерийской, штурманской, связи. Теперь, когда я должен был спуститься в шахту, мне не пришлось быть ни коногоном, ни навалыщиком врубовую, с чего обычно начинали подростки в шахте. Я был поставлен помощником моториста на четвертом горизонте и скоро получил мотор врубовки под личную ответственность. Вместе с пенсией, которую получала семья, мой заработок позволял нам жить с прежним достатком. Братья ходили в школу и дошкольную группу, и у матери стало гораздо меньше дел по дому.

Она посещала кружок по ликвидации неграмотности, научилась читать. В долгие зимние вечера наша общая комната походила на читальню. Мать шевелила губами и водила пальцем по строчкам газеты. Ваня готовил письменные уроки, Лешка рисовал какие-то невероятные сражения танков с самолетами, а я читал и конспектировал книги по технике. Я часто встречал взгляд матери. Затененный абажуром лампы, он был неопределенен. Но мне думается теперь, что она все время испытывала боль за меня, что мои надежды рухнули. Если так, то мама преувеличивала мое горе. Довольно быстро я помирился со своим положением. Может быть мне льстило, что я стал работником высокой квалификации и что от порученной мне машины зависит работа большого участка шахты. Может быть общественная работа в комсомоле помогла мне забыть о своих целях. А вернее всего, что я был очень занят и не имел времени для бесполезных сожалений. Поутру меня будил старый автоматический паровой гудок. Это было в первую пятилетку, и коренные горняки чувствовали свою ответственность за подъем добычи угля.

День в шахте протекал незаметно. Если мотор не требовал моего внимания и всплывали мысли о том, что я мог бы теперь плавать в далеких морях, я утешался запомнившимися словами Петра Климова о схожести труда горняков и подводников. Только в самые первые месяцы было трудно вспоминать этот доклад, потому что он связывался с катастрофой в шахте. Потом зрительное представление этого вечера и следовавших за ним суток стерлось. И я смотрел вокруг себя, воображая, что нахожусь на подлодке. Пространство между дверями в квершлаг и соседним штреком было отскоком, в котором я управлял электрическими механизмами. Когда струя холодного воздуха, пахнувшего погребом и огуречным рассолом, обвевала мое лицо, я представлял себе, что лодка выплыла на поверхность. Эта игра воображения мне приносила радость тем большую, что мне уже не с кем было беседовать о море. Не было отца, уехал Филька Лопухин куда-то на восток, уехала даже Маруся Старикова. Говорили, что она выходит замуж за Климова, но, когда мы прощались (я относил ее корзину к поезду), она сказала, что будет учиться в Первом Ленинградском медицинском институте. Я хотел спросить ее о Климове, но почему-то не решился и только попросил передать привет землякам. Она вспыхнула, улыбнулась и сказала, что мы еще непременно встретимся.

По закону, как единственный работник семьи, я не подлежал призыву. Но несмотря на это, я наравне со всеми проходил допризывную подготовку и даже сдал зачет по пулемету.

Я знал, что, если начнется война, я буду драться за Родину не хуже других. В то время еще сохранялся глупый обычай призывников-новобранцев перед отъездом в часть напиваться и гулять по поселку.

Он возник, как говорили старики, наверное, тогда, когда рекрута-крепостного забривали в солдаты на четверть века. Попав в набор, молодец прощался с вольной жизнью, пропивал себя.

Теперь не от чего было пропиваться, — молодежь гордилась тем, что определяется на военную службу. А все же казалось, что без шумной гулянки уход в армию будет ненастоящим.

Когда настал день призыва моих сверстников, ребята пристали ко мне, чтобы я отправился с ними провожать новобранцев.

Я сопротивлялся слабо. Бывает такое дурацкое самолюбие, что делаешь глупости, лишь бы не упасть в глазах совершенно посторонних и безразличных тебе людей. И я пошел с ними.

От первых же бокалов у меня сразу закружилась голова. Что было дальше, я не помню.

В моей памяти провал. Я вижу себя возле палисадничка нашего дома. Пробую просунуть руку между кольями калитки и поднять щеколду. Откуда-то появляется мама и ведет меня в дом, отпавивает водой, раздевает. Я плачу и жалею, что моя жизнь погублена, — возможность попасть на морскую службу опять ускользнула...

Я проспал до полудня. Несмотря на летнюю духоту, я накрылся с головой, чтобы не встретиться взглядом с матерью и с братьями. Мне было невыразимо стыдно: напился, наговорил чепухи, обвинил родную мать...

Мое ворочанье под одеялом выдало матери, что я не сплю. Как будто ничего не случилось, она ровно сказала:

— Поди, Гриша, умойся. Обед готов.

Я ел, уставясь глазами в тарелку, и потом до сумерек укрывался с книгой в саду. Я видел склоненную над грядками огорода голову матери в белом платке, но не решался подойти к ней и попросить прощения, хотя понимал, что ей очень больно.

В продолжение нескольких дней я чувствовал себя таким виноватым, что покидал дом украдкой, а вернувшись — торопливо утыкался в книгу.

Взаимной неловкости положила конец мама.

— Гриша, — сказала она как-то, уложив братьев и возвратясь к столу, — напрасно ты себя мучаешь. В другой раз будешь знать меру. А что наговорил про свою жизнь, — я о том давно думаю. И покойник наш хотел, чтобы ты стал моряком. Конечно, срочная служба — не училище. Но и после службы не заказано тебе учиться. Вот в газетах пишут, — много больших командиров с рядового начали.

Я перебил ее:

— Мама, то ж была пьяная болтовня! Я совсем доволен своим делом.

— А ты подожди, Гриша. Я все эти четыре года

наблюдаю, — прежний интерес у тебя к морю. Вижу, что и книжки ты все про море читаешь. В кино тебе нравятся морские картины. И зачем нам быть хуже других? Я поступила в столовую...

— Мама... — опять перебил я, и опять она не дала мне возразить.

— Приняли меня буфетчицей с питанием, и ребят я теперь без тебя прокормлю. Ни к чему нам льгота, Гриша. У меня тоже гордость есть перед другими матерями. Вот я написала заявление в военкомат.

Трогательное это было заявление. Как будто фотография, запечатлелось оно у меня в памяти. Большими детскими прописями, как учили в лик-

безе, мать просила призвать меня на военную службу, заявляя, что не нуждается в моей помощи и что у меня есть стремление служить Родине во флоте.

Я положил заявление на стол и поцеловал руку матери. Я знал, что написать его ей было труднее, чем два дня полоть наш огород. Мы крепко обнялись, и она шепнула;

— На побывку приедешь, снимусь с моряком.

Дорогая мама! Теперь нельзя даже навестить вашу и папину могилу. Все кладбище горняков осквернено немцами; они закопали на

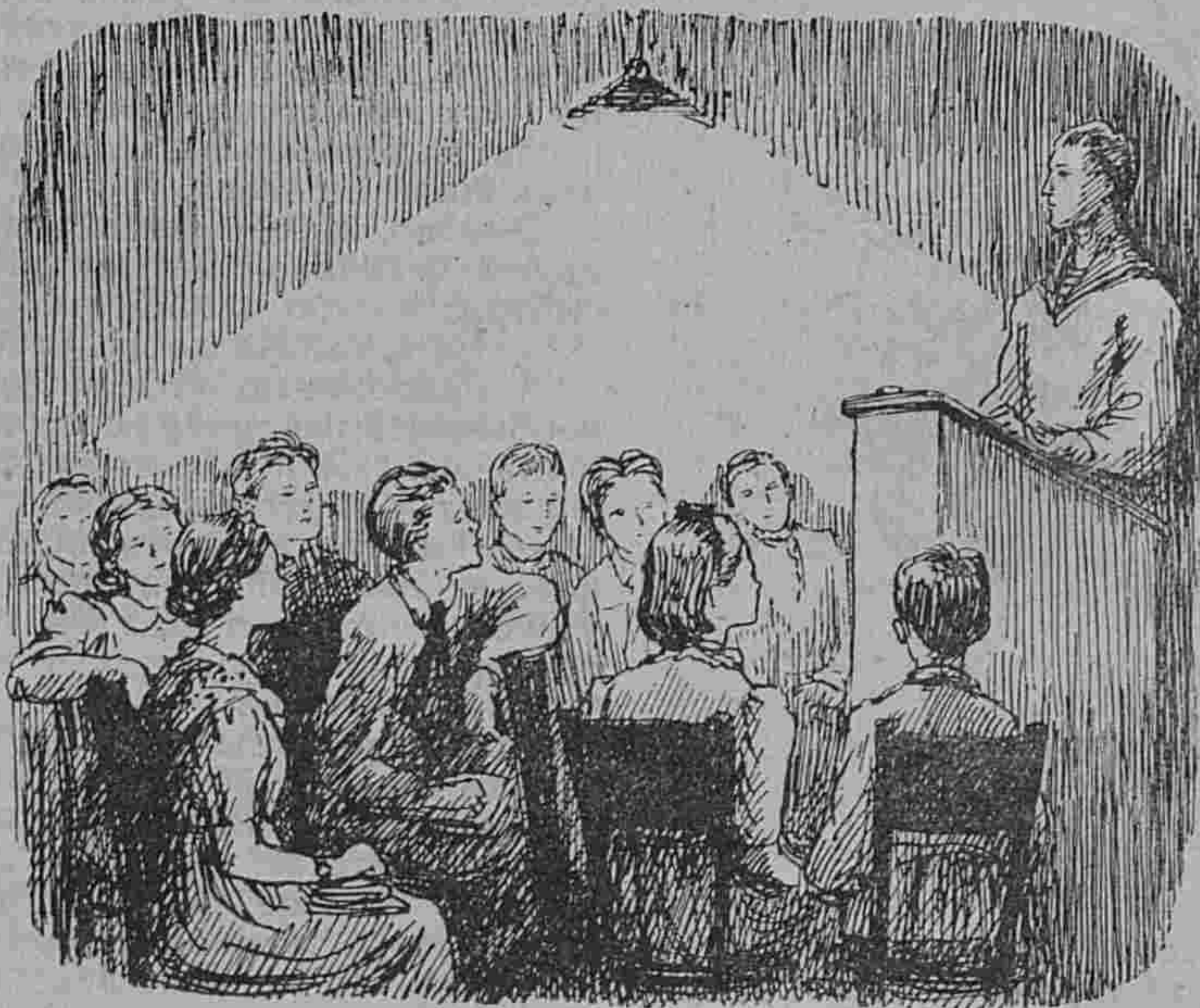
нем своих убитых, разбили ваши простые мегильные плиты со словами сыновьей любви.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ЭКИПАЖ И НОВЫЙ ДРУГ. МЫ УЧИМСЯ В ОТРИДЕ ПОДПЛАВА

Поезд вынырнул из туннеля, и за грядой серо-желтых холмов предстала синяя сверкающая выпуклость. Снова туннель и совсем близкая, чуть ли не под ногами, вода Северной бухты. Под отвесным меловым берегом замелькали в окне черные буксиры, катера, стройные миноносцы, пузатые тральщики, узкие „щучки“. За моей спиной говорили об Инкермане, Мекензиевых горах, Четвертом бастионе, Панораме. Но я не участвовал в этих разговорах. Я впитывал в себя все, что было на воде. Это была встреча с миром, давно знакомым, родным и в то же время совсем непохожим на мои представления. У этого мира был одуряющий смолистый запах и соленый вкус. Мне стало необычайно легко и хорошо. Я схватил свой чемодан и поторопился к выходу из вагона. Теперь все должно быть прекрасно на долгие годы. Я — краснофлотец Черноморского флота, я — в славном Севастополе.

Поезд остановился. Прошли к ялтинским машинам курортники, а мы построились под кипарисами, пересекли путь и поднялись в гору к казармам экипажа.

— Направо от вас, товарищи, Малахов курган Там со славою дрались русские матросы, и там

пали замечательные флотоводцы Нахимов, Корнилов, Истомин. Как примете торжественное обещание, сводим вас в экскурсию.

Старшина, провожавший нас, был словоохотлив и так знакомил нас с городом, будто слава Севастополя была его собственной.

— Оглянитесь назад, на зеленую гору с куполом. Это сад на месте Четвертого бастиона, и в нем Панорама обороны Севастополя. Мы с вами сейчас в начале Корабельной слободки, которая выходит и на Южную и на Северную бухты. Ну, подтянитесь, сейчас придем!

Мы подровняли шаг и вошли в обширный двор, окруженный старыми и новыми зданиями.

День только начинался, и к полудню мы успели сходить в цейхгауз за обмундированием, вымыться в бане, подстричься, сдать свое штатское имущество в склад, разбиться на взводы и занять койки.

— Давай знакомиться, браток! — сказал мне сосед по койке, скуластый, худощавый парень с серыми упрямыми глазами.

Он протянул руку в ссадинах, и по цвету кожи с вьевшейся металлической пылью я сразу догадался, что он металлист.

— Слесарь?

— Оружейник, туляк, Федор Штыков. А ты?

— С Донбасса, горняк, Григорий Нетреба.

— Какие у вас чудные фамилии. Что она значит?

— „Не надо“, если перевести.

— Тебе куда охота — в береговую артиллерию?

— В подводное.

— Скажи, пожалуйста! И мне туда же. Только уважают ли?

— Уважают, — уверенно заявил я.

Мы с Федей быстро сдружились. Он любил море

не меньше моего, но скрывал свои чувства за нарочитой сухостью и деловитостью. Удивительно, до чего быстро он научился управлять шлюпкой под парусом. Парус у него всегда был полон, не полоскал и не рвался, хотя дерзко спорил с ветром и брал рифы в самую последнюю минуту.

Мы ходили в бухте со стакселем, значит — без реи. Такой парус ходит на кольцах по наискось натянутой снасти. Кажется, премудрость невеликая, но я долго путался в названиях тросов, хватался за фал вместо штова и не мог научиться быстро зарифлять парус, — опустив фал, подвязывать сезни рифа.

Федей Штыков терпеливо исправлял мои ошибки, повторял названия, рассказывал, как лучше ловить ветер. У него завелось много знакомых среди старых моряков, и он умело выспрашивал у них все, что могло увеличить искусство вождения шлюпки. Федей умудрялся и из моих беспорядочных сведений по морской истории вылавливать какие-то знания и делать такие выводы, которые мне никогда не приходили в голову.

Бывало, в воскресный день шлюпка хорошо идет в бейдевинд, я сижу на руле, а Федей лежит, смотрит в небо и требует:

— Ну-с, вышел досуг, рассказывай, друг!

Я припоминаю что-нибудь пострашнее и по-необычнее, например историю славного корсара Фомы-ягненка и роковой красавицы-испанки. Федей слушает и вдруг неожиданно говорит:

— Ты что ж через помощника, Луи Геноле, перескакиваешь? Без него, пожалуй, и побед у Фомы не было бы. Он порядок и дисциплину поддерживал и, наверное, в навигации больше Фомы разбирался!

Мои пересказы Конрада он безапелляционно забраковал.

— Это, брат, читать надо. Не получается у тебя красота морская.

Всего больше вытягивал он у меня факты из нашей отечественной истории. Он прямо экзаменовал меня, что в каком веке было. И сомневался, когда я утверждал, что между походами древних славян на Царьград и эпохой Петра Великого у нас не было морской истории.

— Нет, Гриша, не может этого быть. Вон Разин ходил по Каспию, Лежнев в Тихий океан выбрался с севера, Иван Грозный вел войну на Балтике, а морского севера Россия никогда не теряла.

Однажды он потащил меня в Дом Военно-Морского Флота и заставил библиотекаря найти книги по истории русского флота. Мы читали Веселаго и Белавенца и поняли, что никогда за тысячелетнюю свою историю наш народ не переставал быть народом героев-мореходов.

Теперь мне кажется, что вся трехмесячная жизнь в экипаже прошла на шлюпках — на двойке* и под парусом. Конечно, это было не так. У нас были строевые и политические занятия, мы ходили стрелять, обучались владеть штыком. Но на шлюпке, во-первых, в увлекательных беседах крепла моя дружба с Федей, а во-вторых — были чудесные часы, когда мы складывали весла или скользили под парусом. Легкий береговой бриз рябил голубую поверхность, или вода лежала неподвижной теплой гладью как натянутая шелковая ткань. У бортов уютно журчали струйки, и слабый след шлюпки оставался за кормой каким-то слюдяным наплывом. Иногда шлюпку поднимал вал от мчавшегося торпедного катера или севшего на воду гидросамолета.

* По числу гребцов шлюпки называют двойками, четверками, шестерками и т. д. Большие шлюпки называются баркасами.

Иногда тишину бухты нарушали стуки дизелей подводной лодки, выходящей в море. Мы следили за низкой рубкой, пока лодка не скрывалась за бонами. Может быть это та лодка, на которой мы будем плавать?

Нас одновременно отчислили в учебный отряд подводного плавания. Здесь мы уже не могли вести такую свободную жизнь. Я учился на штурманского электрика, а Федя — на торпедиста. Это специальности сложные. Мне нужно было в деталях знать устройство электрического эхолота (он указывает глубину под дном корабля), электрического и обыкновенного лага (приборов, показывающих скорость корабля), гирокомпаса и магнитного компаса. Я должен был уметь их разбирать и возвращать их к жизни на походе — в любых условиях. Преподаватели „учиняли“ моим приборам самые хитрые аварии, а я должен был находить выход.

У Феде было, пожалуй, еще труднее. Торпеда, вероятно, одно из самых сложных ухищрений человеческого ума. Ее можно назвать автоматическим боевым кораблем. Когда сжатый воздух выталкивает торпеду из аппарата, она немедленно приобретает самостоятельное движение. Один за другим открываются краники воздушного баллона, водяного отсека, баллонов керосина и масла. Сжатый воздух поступает в водяной отсек, и вода перегоняется в подогревательный аппарат. Возникает зажигание, и образующаяся паро-газовая смесь поступает в главную машину. А эта машина приводит в движение винты, дающие торпедой самостоятельный ход. Однако чудеса здесь только начинаются.

Каждый из нас в детстве запускал волчок. А вот теперь мы узнали, что многие наши точные приборы устроены с помощью волчка.

Торпеда, например, должна идти не выскакивая и не вихляясь. Если ее и собьет волной или течением, то рули ее снова возвратят на заданный командиром при залпе курс. Этим ведает гиро-скопический прибор Обри, устроенный по принципу волчка.

И в моем гирокомпасе есть волчок. Он быстро вращается, и ось его вращения всегда совпадает с положением истинного меридиана.

У нас в классах были все модели, и Федя тащил меня к торпедным сигарам с закругленными носами и конусообразными кормами и к торпедным трубам, а я увлекал его к нашим штурманским приборам. Мы оба были в восторге от приобретенных знаний.

Нам предстояло здесь же в отряде ознакомиться с лодкой в целом, с ее двигателями на подводном и надводном ходу, со всеми ее системами — топливной, воздушной, водяной, со спасательными

средствами, с водолазной практикой. Конечно, было уже не до чтения, и не хватало времени на вольные шлюпочные экскурсии. К тому же пришла зима. В бухту врывались суровые ветры. Корабли на рейде раскачивались под ударами волн, и теплоходы тяжело выбирались против ветра. Дымили больше обычного и дизеля подлодок, так как на большой волне в вентиляционные шахты плохо поступал свежий воздух.

И я и Федя смотрели на лодки с прежней завистью. Мы еще носили на бескозырках ленточки с надписью „Учебный отряд“, мы еще были приготовишками, ненастоящими моряками. А наши подошвы уже не терпели прикосновения камней города. Казалось насмешкой, что мы живем в доме, где все только называется по-морскому: лестница — трапом, спальня — кубриком, кухня — камбузом, пол — палубой. И никаких происшествий, и впереди еще долгие недели до сдачи экзамена на специалистов!

Я с детства любил спорт, требующий большой физической выносливости, и теперь охотно развлекался водолазной практикой. Конечно, зимой, при низкой температуре воды, особенно разгуливать по морскому дну не приходилось. Но у меня был жирок не нынешний, и я не очень быстро замерзал. А давления, мешающего дыханию и заставляющего сердце работать с усиленной нагрузкой, я почти не ощущал.

В водолазной группе мы с Федей учились вместе, и в своем увлечении я не скоро заметил, что это занятие ему тягостно. Если Федя не хотел чего-нибудь говорить, из него клещами нельзя было вытянуть признания.

Как-то он выполнил урок, переоделся и сел у борта шаланды. Я стоял возле него, — моя очередь спускаться еще не дошла, — что-то рассказывал и вдруг заметил, что он меня не слушает, побледнел и борется с дурнотой, напряженно стиснув зубы.

— Федя, тебе плохо? — окликнул я встревоженно

— Тише!

— Почему же тише? Надо показаться доктору.

— Чтобы списали с подплава? Я постепенно натренируюсь. Вот уже проходит. Ничего, Гришка, — он слабо улыбнулся и привстал, — если нам придется под воду потерпеть, я не сдам. Ясно?

— Ясно, вижу, — ответил я насмешливо, не думая, конечно, о том, что мне представится случай проверить силу его воли. Об авариях на лодках я тогда думал, как о чем-то, находящемся за пределами действительности. Мне казалось, что стоит лишь дорваться до службы на подводной лодке — и начнется самое счастливое время моей жизни.

(Продолжение следует.)

Пионер! Будь как Чапаев!

Герой гражданской войны, замечательный полководец В. И. Чапаев всегда находил время следить за своим внешним видом. Один из учившихся в Военной академии вместе с Чапаевым командиров рассказывает о нем следующее.

„Чапаев отличался большой аккуратностью. Горе было товарищу по комнате, если тот неряшливо постилал постель. На столе Чапаева всегда царил порядок. Книги его лежали стопками по краям стола: с одной стороны — учебники, с другой — для чтения. Он составил себе расписание дня и никогда не нарушал его. В боковом кармане его гимнастёрки всегда имелась иголка с ниткой: оторвавшуюся пуговицу он сам пришивал без промедления. Он тщательно следил за своим лицом и ежедневно брился. Одежду он всегда складывал в одном и том же строгом порядке: гимнастёрку вешал на спинку стула, сапоги ставил перед собой. Это позволяло ему одеваться с молниеносной быстротой“.

Степная быль

В. Лифшиц

Слышен мины свист и скрежет, —
Миномет немецкий брешет,
Как собака на цепи.
Ветер пепел степью гонит,
Ветер плачет, ветер стонет, —
Немец бродит по степи.

Пот ручьями из-под каски
Поросячьи залил глазки,
Вытер немец грязный пот,
Поглядел в степные дали,
Что в огне уже пылали,
И воскликнул: — Либер гот!

Вот он — рай! — воскликнул немец, —
Тут живет казак, туземец,
Шашку знает и коня.
От него хоть на экватор
Был готов бежать майн фатер,
У меня же есть броня!

Степь не то, что лес и рощи,
Занести тут будет проще
Бронированный кулак.
Сколько пикой в танк ни тыкай,
Не пробьет железо пикой,
Не возьмет его казак! —
И, войдя в казачью хату,
Он казачке говорит,
Как немецкому солдату
По уставу надлежит:

— Я из Франкфурта-на-Майне,
Чем владеешь — все отдай мне!
Нас навек свела судьба,
Я — хозяин, ты — раба!

Вот как выпью шнапса флягу,
На перину спать лягу! —
И пошел — в красе во всей —
Бить ивдеек и гусей.

А казачка ждать не стала,
Полушалочек достала
Из резного сундука.
Молча вышла за ворота,
Встала возле поворота,
Поглядела в облака,
Покричала казака.

„Ох, откуда этот гром бы?“ —
В тот же миг подумал фриц.
Глядь, а это мечет бомбы
Краснокрылых стая птиц!

— Эй, казачка, что за чудо?
Что за птицы и откуда?..
— Это наши землячки,
Казачки — штурмовички!

— Поражен я этим крайне,
Я из Франкфурта-на-Майне.
Бросить бомбу в казака
Мне бы надо свысока... —

А казачка полушалком
Помахала, не спрося,
По курганам и по балкам
Гул великий поднялся.

С четырех концов земли
Танки наши поползли!

Встал тут немец на карачки,
Поднимает немец крик,
Удирает от казачки,
Он к такому не привык!

— Я из Франкфурта-на-Майне,
От меня держали в тайне,
Что у здешнего коня
Есть железная броня!..

— То, фашист, еще не кони,
Их держу я для погони.
Погляди-ка на значки,
То танкисты — казачки! —

Усмехнулась, обернулась,
Полушалком повела,
Сразу кони в эскадроне
Закусили удвля!

Понеслась казачья лава,
Топот слева, топот справа,
Оглянулся фриц, а там
Кто-то скачет по пятам.

Фриц, с ладошкой на темени,
Повизгивал — бежал,
Привставал казак на стремени,
Он шашечку держал.

Засверкала злая шашка,
Заввенела, словно пташка,
Гонят гадов казачки! —

Казачки — кавалеристы,
Казачки — артиллеристы.
Минометчики, танкисты,
Казачки — штурмовички!

МАЛАЯ ВОЙНА

О. Кузнецова

22 июня 1812 года Наполеон обратился к своей армии с воззванием итти войной против России и через два дня перешел границу. Французов встретили пустынные поля, лес и тишина, гробовая тишина покинутых людьми селений.

Это было странно и неожиданно. Наполеон рассчитывал, что у самой границы ему дадут генеральное сражение, что он сразу же разобьет противника и в несколько дней добьется победы. Вместо этого русская армия отступила и продолжала отходить. Наполеон знал, что русские отказываются от сражения не потому, что они трусливы или слабы, или неискусны в бою. Что-то зловещее было в их отступлении.

Лишь 7 сентября Кутузов принял бой. Это была самая кровавая из всех битв, которые Наполеону приходилось когда-либо вести. Это было сражение, в котором „французы показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми“. Это было Бородино. Через неделю Наполеон стоял на Поклонной горе под Москвой и тщетно ожидал депутации с ключами от города. Город оказался пустым. Даже взятие Москвы не принесло французам победы.

Денис Давыдов, подполковник Ахтырского гусарского полка, пять лет кряду прослужил адъютантом Багратиона. Это одно могло быть доказательством великой храбрости: Багратион никогда ничего не боялся и того же требовал от своих подчиненных.

Партизаны нападают на французский обоз

Кроме того, Давыдов был образованным военным ученым и признанным литератором.

Лихой наездник, Давыдов высоко ценил русскую конницу. „Если бы разбить казаков

Денис Давыдов

на партии и пустить их в тыл французам!“ — мечтал он.

Конечно, такая партия не устоит против главных сил неприятеля, но она будет разить его слабые места и ускорит его окончательную гибель. Она перехватит депеши и нарушит связь между частями, расстроит транспорт и оставит пушки без снарядов, ружья без патронов; истребит фуражиров, и люди не получают хлеба, лошади — сена; она лишит истомившихся переходами солдат отдыха, лишит их крова.

„К тому же, — говорил Давыдов, — появление наших среди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную...“

Свой план Давыдов изложил Багратиону. Тот рассказал о нем Кутузову, и вот, 8 сентября, на завтра после Бородинского боя, маленькая партия смельчаков — первый армейский отряд партизан, всего только сто тридцать человек гусар и казаков, — пустилась в путь.

Мысль Давыдова о партизанской войне с французами не была новой. На языке военных такая война называется малой; в истории народов не было малой войны, которая не привела бы к большим победам. Именно партизанская война помогла испанцам на протяжении нескольких лет оказы-

вать успешное сопротивление армии Наполеона.

„Испанцы, — пишет один из военных историков того времени, — уклоняясь от генеральных сражений с французскими силами, разделили свои собственные на части, истребляли продовольствие неприятеля и томили его непрерывными маршами... Тщетно французские полководцы покоряли города и целые области. Великодушный народ не выпускал из рук оружия и остался твердым в принятом едином намерении: освободить Испанию от французов или погрести себя под развалинами...“

Так же предполагал действовать и Денис Давыдов.

В первые дни своей партизанской жизни Давыдов стремился во что бы то ни стало сойтись с крестьянами. Это было не легко. Но мало-помалу Давыдов добился своего. Появление партизан не только никого больше не пугало, но к ним выходили с хлебом и солью.

Давыдов раздавал крестьянам отбитые у неприятеля ружья и патроны. Он сочинил особое наставление, как поступать с сильными шайками французских мародеров, и вслух читал его крестьянам, не решаясь записать, дабы оно не попало в руки врагам.

„Если в село придет столько французов, что их нельзя одолеть в открытой борьбе, их надо брать хитростью“, — говорил Давыдов. Он учил накормить французов, а главное — напоить; когда же те опьянеют и уснут, захватить их оружие и перебить всех. А тела и добычу — мундиры, каски, ремни — Давыдов предлагал сжигать либо зарывать в каком-нибудь потаенном месте. Чтобы свежевыкопанная земля не привлекла внимания французов, он советовал забрасывать это место камнями, золой, бревнами.

Все, чему учил их Давыдов, крестьяне и без записи помнили крепко. Ведь именно так поступали они и прежде. Зная, что Давыдов в любую минуту может оказаться среди них, веря, что поблизости находятся русские войска, они вскоре стали совер-

шать такие подвиги, о которых недавно не смели и мечтать.

Давыдов со своими ста тридцатью всадниками за десять дней взял в плен триста семьдесят французских солдат и двух офицеров, отбил двести своих и захватил одну фуру с патронами и десять с продовольствием. Без помощи крестьян, конечно, он не добился бы таких успехов.

Где бы ни проезжала партия Давыдова, к нему всегда приводили „языка“, предупреждали о приближении опасности.

Пока французы тратили время на сложные построения по всем правилам военного искусства, конница Давыдова вихрем врывалась в гущу

врага, и подчас одного только громового „ура“ было достаточно, чтобы посеять смятение и ужас. Если же противник оказывался сильнее, то казаки рассыпались по полю и скрывались с глаз, будто сквозь землю проваливались. А через час-другой все собирались в заранее условленном месте за пятнадцать, а то и за двадцать верст отсюда.

Узнав однажды о приближении большого отряда, прикрывавшего французский обоз, Давыдов распорядился поднять повыше уланские пики, украшенные флажками, а казачьи пики пригнуть к земле. Французы не сумели разгадать хитрость Давыдова: колонну всадников приняли за дружественную польскую кавалерию. Когда же они разобрали в чем дело, о защите нечего было и думать. Многочисленная охрана обоза пустилась наутек, оставив партизанам закупленное в Варшаве обмундирование для целого полка.

С особой радостью Давыдов нападал на транспорты с русскими пленными. Один бро-

сок, — и конвоиры сами становились пленниками, а измученные, голодные солдаты, отказываясь от заслуженного отдыха, вливались в отряд своего освободителя.

Первый период партизанской войны, когда наездники, не расседывая лошадей, прятались в лесах, миновал очень скоро. Чем осторожнее становился неприятель, тем

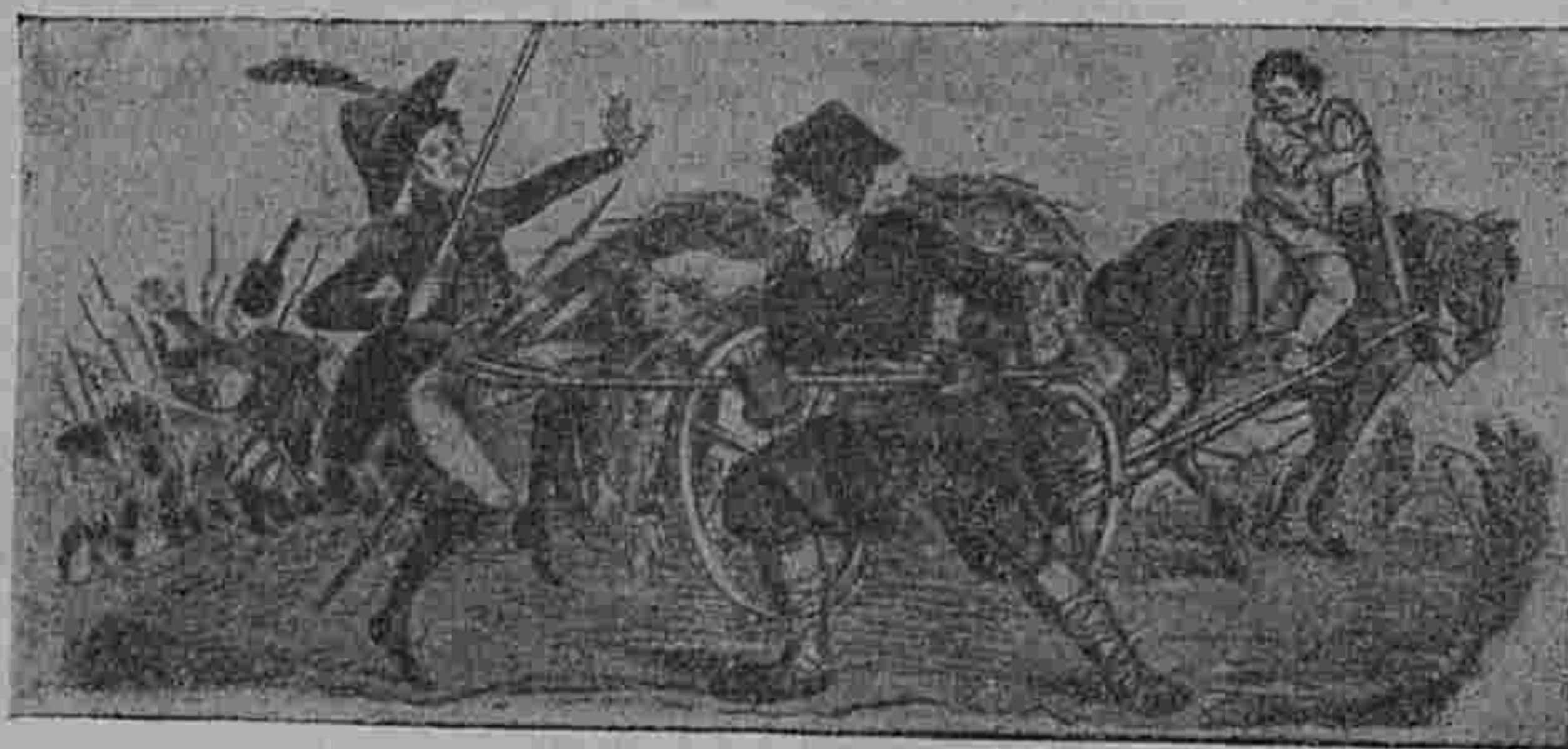
А. С. Фигнер

Старостиха Василиса

энергичнее и смелее действовали партизаны. Фигнер, Сеславин, Кудашев, десятки лучших русских офицеров последовали примеру Давыдова. Фельдмаршал Кутузов, убедившись в великой пользе партизанских набегов, чуть не все казацкое войско разбил на партии и двинул на пути отступления французской армии.

Партии эти иногда были ничтожно малы, иногда внушительны. Бок о бок с ними на тех же вытоптаных бесприютных дорогах действовали другие отряды, во главе которых стояли простые, неученые люди из народа — дьячок Рагозин, крестьянин Курин, старостиха Василиса... Они преграждали переправы, заваливали теснины, не оставляли врагу „ни прохода, ни проезда“, кололи его вилами, рубили топорами. Как тысячи крохотных пчел валят с ног здорового коня, так все эти партии и отряды без передышки жалили изнемогающую армию французов.

Напрасно Наполеон распекал своих маршалов за то, что они ежедневно больше теряют людей в фуражировании, нежели в сражении; напрасно он требовал от Кутузова, чтобы тот вел войну по правилам, установленным во всех войнах, ничто не могло остановить прорвавшуюся волну народного гнева.

„Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие“, — говорит Л. Н. Толстой.

28 июня 1812 года армия Наполеона пере-

шла Неман. 14 сентября она вступила в Москву. И все-таки победили русские.

Почему это случилось? Во всяком случае, не только потому, что настали морозы, — рассказы о том, будто французы погибли от стужи, наступившей неожиданно и в необычное время года, давно стали легендой.

Французов погубила упрямая осторожность Кутузова, который заставил Наполеона идти по бесприютной, опустошенной Смоленской дороге; их погубили многочисленные партизанские отряды, не позволявшие ни одному французскому солдату свернуть с большой дороги для отыскания себе пищи или убежища от холода; их погубила ненависть крестьян, которые, по собственному признанию французов, „каждый дом превращали либо в костер, либо в крепость“.

В 1812 году русский народ знал — и знал очень хорошо, что война была войной за род-

ную землю. Потому и стала она всенародной, Отечественной войной.

Перед началом войны с Россией Наполеон считал, что у него войск гораздо больше, чем у Александра. Но через полгода русская армия почти не убавилась, а от французской осталось меньше половины. Случилось это потому, что Наполеону пришлось воевать не только с войском, но и с целым народом — с великим русским народом, отстаивавшим свою независимость.

С этим великим народом приходится воевать и немцам. Не с одними пехотинцами, летчиками, танкистами, — нет, со всем народом, который поклялся не знать ни сна, ни покоя, ни отдыха, пока хоть один фашист останется на Советской земле.

СОСКА

Полночь. Вот уже целые сутки товарищ Коршунов не сходит со своего поста. Но он не чувствует усталости. Он прислушивается к каждому шороху. А из головы у него не выходит мысль, что нет теперь на свете самых дорогих ему людей — жены и маленькой дочурки... Что случилось с женой, он не знает, а дочка... Коршунов вынул из кармана детскую с колечком соску. Он вспомнил все, что случилось.

Наши заняли небольшое село Н. То село, в котором жила маленькая, но дружная семья Коршунова. Коршунов вбежал в свой дом. Никого... Вдруг он услышал слабый детский плач. В соседней комнате он увидел свою дочку. Она лежала

в люльке и плакала. Маленькое личико ее покраснело от долгого плача. Коршунов от радости остановился и не знал, что ему делать. Врач, который был с ним, подбежал к люльке и хотел взять девочку. Но в это время раздался взрыв...

Коршунов очнулся в больнице и не мог понять, что с ним. Спрашивал у врачей, но ему ничего не говорили. Когда он совсем поправился, ему передали маленькую соску с белым костяным колечком, и он сразу все вспомнил.

Люлька с его дочкой была заминирована. Когда врач взял девочку, мина взорвалась. Погибли и дочка и врач.

...Коршунов крепче сжал винтовку.

„Мстить! Мстить!“ — думал он.

Ученица 6-го класса 49-й школы Иванова З.

Дела и досуги

ленинградских пионеров

Лето 1943 года ленинградские пионеры и школьники провели за городом, — там они отдыхали и работали.

Тысячи тонн овощей вырастили школьники Ленинграда. Немало они собрали за лето ягод, грибов, лекарственных трав. Это — их пионерская помощь фронту.

Военные походы, игры на свежем воздухе закаляли тело и волю ребят. Они вернулись в город окрепшими, загорелыми. Теперь они с новыми силами примутся за учебу.

После трудового дня вечером, пионеры часто собирались у лагерного костра послушать рассказы фронтовиков, приглашенных в гости, о боях с фашистами или выступлении своих же певцов и чтецов.

Так в труде и интересном отдыхе прошло второе военное лето юных ленинградцев.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СКАЗКА

Е. Шварц

Рис. В. Конашевича

Все любят море — и ты, и я, и моряки, и рыбаки, и дельфины, и чайки. Но на той земле, где стоит теперь наш Ленинград, когда-то шумело море дикое и до того пустынное, что некому было любить его. Даже рыбы не знали, любят ли они свое море, ведь их никто не ловил.

Хозяйничал тогда в море Водяной, сварливый и неуживчивый. Только рыбы с ним и уживались по безответности своей. Целыми веками бродил Водяной взад и вперед по морю, выставив нос наружу. На глубоком месте вытягивался Водяной в ниточку, на мелком расплывался в блин и всё приюхивался, всё приглядывался, всё искал, кого бы ему утопить. Но никого-никого не встречал Водяной.

Топил он берега, топил и добрался, наконец, до самых Пулковских высот. И, взглянув с мелкого места на высоты эти, затрясся Водяной, как кисель. Разгневался.

Он увидел: стеною стоит на Пулковских высотах лес. А в лесу великан наклонился над огромною сосною и причесывает ей верхушку деревянным гребнем. Водяному почудилось было, будто гром громыкает вдали. Но он разобрал скоро, что это великан бормочет:

— Ох, растрепана ты, растрепана, ну и растрепана!

Глядел на это Водяной, глядел, слушал-слушал, трясся-трясся и вдруг от злости заплакал в тридцать три ручья.

— Что такое? — загремел великан. — Кто тут ревет, сырость разводит? Ты кто такой?

— Я владыка воды, Водокрут, Водомер, Водогон, Водобой, Водяной Первый! А ты кто?

— Лесовик, — сказал великан.

— Лесовик? — зашипел Водяной. — Ну, прощай, Лесовик! Сейчас я тебя прикончу!

И он выгнул спину горбом, как кот. И морская вода вслед за ним сгорбилась, без шума и без плеска встала горой, дрогнула, двинулась и рухнула с грохотом на берег. Разбилась водяная гора в пену и отхлынула.

— Ага! Ушибся о корни! — сказал Лесовик. — То-то, брат! Помни твердо: земля — это мое хозяйство.

Молча отвернулся Водяной и, извиваясь как змея, поплыл под водою в самую морскую глубину.

Раз в сто лет уходил Водяной на дно — отдыхать. Трое суток сидел он под водою неподвижно, как неживой, закрыв глаза, сложив лапы. Семь лет оставалось ему до положенного срока, но он все-таки пошел на дно — набраться сил. В глубочайшей подводной пропасти уселся он на камне, среди высоких водорослей. В водорослях, как птицы в лесу, шныряли рыбы. Увидев своего хозяина, морские окуни неподвижно встали над головою Водяного, угри у плеч, селедки у колен, камбалы легли у ног.

Но вот через сутки поднял Водяной веки, поглядел на рыб и сказал:

— Рыбы, а рыбы! Как мне Лесовика утопить?

Ни слова не ответили рыбы, и первый раз в жизни пожалел Водяной, что они такие безответные.

К концу третьих суток, сидя на дне, начал Водяной тянуться вверх и вытянулся в ниточку, и нос его поднялся над волнами. И Водяной зашипел:

— Прососу, проточу, размою, затоплю!

Так началась война Водяного с Лесовиком.

Дня не проходило без боя. Но древесные корни крепко держали свою землю.

— Вода-то, — дразнил Лесовик врага, — поумнее тебя, она любит нас. Вон каждое деревцо качается в воде вверх корнями. Это твое море моим хозяйством любит.

Водяной с визгом бросался на лес, который как живой отражался в воде, а Лесовик грохотал, как гром.

— Чудак ты, чудак! — гремел он. — Вода по мягкости своей пока что слушается тебя. Но это не навеки. Ведь добрее воды ничего на свете нет. Она и деревья мои поит, и цветы, и травы, и меня, великана. Гляжу я на море и думаю: попасть бы ему в хорошие руки, — оно радовало бы всех, а не пугало бы.

От таких слов завивался Водяной штопором и выл, и плакал в тридцать три ручья, и гнал волны на берег, и отступал весь в брызгах и пене, но все напрасно.

И вот однажды, на столятидесятый год войны, выглянул Водяной из воды и видит: стоит рядом с великаном Лесовиком крошечное существо; и разговаривает это существо с Лесовиком, как с равным: спорит, рассуждает, разводит руками, улыбается.

— Это еще что за пузырь?! — завопил Водяной.

Лесовик и крошечное существо обернулись на крик, и оба засмеялись.

— Я называюсь так: Человек, — объяснило крошечное существо спокойно.

Водяной собрался было плакать от ярости, но вдруг утешился. Человек подошел к огромному дубу, взмахнул чем-то блестящим, и стук пошел по лесу, и щепки брызнули во все стороны.

— Он дерево портит! — завопил Водяной.

— Не портит он его, а рубит топором, — ответил Лесовик. — Когда ветер валит дерево, — вот это действительно жалость. А вокруг Человека все так и оживает.

Тут дуб затрещал и тяжело рухнул на землю.

— Пока что дуб-то твой помер! — зашипел Водяной радостно.

Но дуб бодро проскрипел на своем дубовом языке:

— Нет, брат, мы, брат, дубы, брат, еще, брат, того, брат, поживем...

Случилось все это ранней весной. Дни стояли длинные-длинные, и Человек от восхода до заката работал возле срубленного дуба, стучал топором.

„...Наверное, он умрет от усталости, — мечтал Водяной, лежа на мели. — Вот радость!“

Но Человек и не думал умирать. Иногда он даже громко пел, от чего Водяной дрожал, как кисель. В полдень из лесу выходили жена Человека и сын его, маленький мальчик. Они приносили Человеку обед. Водяной грозил им кулаком, но они и не глядели в его сторону. Лесовик, став на колени, нагнувшись до самой земли, вместе с людьми любовался человеческой работой. И Водяной, вытянув шею, как журавль, тоже старался разглядеть, что там мастерит человек, и ничего не мог понять.

Но вот пришел день, когда Водяной понял все. Это был день ясный, солнечный, чего Водяной терпеть не мог. Он выбрал место поглубже и зарылся в тину — освежиться. Освежившись, пошел он вверх и вдруг больно стукнулся головой о что-то живое и твердое. Водяной отпрянул, высунул нос из воды и завыл.

Человек, сидя в выдолбленном и обтесанном дубовом стволе, быстро плыл по морю. Какие-то палки блестели у него в руках.

— Это что за гадость? — заревел Водяной.

— Это называется так: лодка! — ответил Человек. — А в руках у меня весла.

Лесовик стоял на берегу и кричал:

— Счастливой охоты!

А Водяной молча двигался за лодкой.

Далеко-далеко в море Человек перестал грести и закинул в воду удочку.

Долго глядел Водяной на Человека, а потом не спеша, завился штопором, уперся ногами в дно, широко распростер лапы и завертелся на месте, как волчок. И муть поднялась с морского дна. И высокие серые волны с белыми гребешками пошли на лодку — одна, вторая, третья. И вот девятый вал горою вырос над Человеком. Сам Водяной стоял во весь рост на этой страшной девятой волне и глядел на Человека своими белыми глазами. Но Человек ударил веслами, и лодка отпрыгнула как живая. Нет, Человек ни за что не хотел тонуть. Волны покорно несли лодку прочь от разъяренного чудовища, от собственного своего владыки.

— Вот видишь! Вода умных людей любит! — гремел на берегу Лесовик.

И Человек благополучно причалил к берегу, выволок лодку из воды и понес рыбу домой в ведре.

Ночью взошла полная луна. Море заблестело. Водяной поднял голову и завыл так жалобно, что дрожь пошла по воде.

Лесовик негромко заговорил на берегу:

— Водяной, а Водяной! Не в пору ты расшумелся. В лесу у нас так хорошо. Весна пришла. Листья в первый раз в жизни шуршат и сами этому удивляются, — ведь они у меня еще маленькие. Зайцы на поляне пляшут. Соловей глаза закрыл, — значит, сейчас запоем. К чему же ты кричишь? Веди себя скромно.

В ответ Водяной завыл еще громче, еще тоскливей.

— Нрав у тебя дикий, безобразный! — ска-

зал Лесовик, забрался поглубже в чашу и заткнул уши.

А Водяной всё выл, всё выл, пока туман не поднялся над морем. Тогда Водяному стало легче. Ни берегов кругом не видно, ни луны, как будто полным хозяином на свете остался он один, Водяной.

— Хорошо, — прохрипел он, — потерпим до осени.

И вот пришла осень, как раз такая, о какой мечтал Водяной, — сырая, туманная, темная. Дождь лил до того частый, туман стоял до того густой, что Водяной в один ненастный день поднялся из моря и поплыл по воздуху, как по воде.

Человек работал в лесу и пел песни, как будто ему все равно было, какая стоит погода. А Водяной, невидимый в тумане, неслышно подплыл к нему между стволами. Он схватил Человека за горло, но, услышав шаги Лесовика, дрогнул и поплыл обратно к морю.

— Экая сырость! — пробормотал Человек, перестав петь. — Так прямо и душит.

И к вечеру он заболел, слег. Глотать было больно, голова горела, он бредил. А к утру Человеку стало еще хуже. Жена его сидела рядом с ним, а Лесовик бродил по лесным полянам, собирал целебные травы, чтобы сварить лекарство больному. Все были печальны, только маленький мальчик, сын Человека, твердо верил, что все кончится хорошо.

— Когда отец поправится, ему захочется есть. Я поеду рыбу ловить! — сказал он.

— Нет, не смей! — ответила мать. Но мальчик уже побежал на берег. Изо всех сил навалился он на корму лодки, чтобы столкнуть ее в море. Лодка же отлично знала, что нельзя мальчику выходить на рыбную ловлю одному. Она уткнулась носом в песок и не двигалась с места.

Но тут из воды поднялась огромная лапа. Через туман и дождь двинулась она к лодке и схватила ее за нос. И лодка, не успев понять, что с нею случилось, закачалась на воде.

„Как хорошо я гребу!“ — подумал мальчик радостно. А это Водяной толкал лодку в корму лбом, и она вихрем летела по волнам через дождь и туман.

Далеко-далеко в море остановился Водяной наконец и заплакал от радости в тридцать три ручья. А мальчик, не зная, какая страшная беда ему грозит, спокойно забросил в воду удочку.

Тут лодка опомнилась и заскрипела на своем дубовом языке:

— Лесовик! Того! Как его! Неладно! Уволкло! Обратно бы! Домой бы! Скорее бы!

По воде слова летят легко, и они мигом донесли до Лесовика. Стоя по колена в лесу, как в траве, Лесовик через дождь и туман сурово взглянул на плачущего Водяного.

— Чего смотришь? — завыл Водяной. — Не мешай мне работать! Сейчас мальчишка утонет. Отец его с горя ослабеет, и простуда убьет его. Умрет от тоски и женщина. И все будет хорошо.

И он, не спеша, завился штопором, уперся ногами в дно, широко распростер лапы и завертелся на месте, как волчок. И муть поднялась с морского дна. И высокие серые волны с седыми гребнями пошли на лодку — одна, вторая, третья. И вот девятый вал горою вырос у лодки. Сам Водяной стоял во весь рост в этой страшной девятой волне и, не мигая, глядел на мальчика своими белыми глазами.

На берегу громовым голосом закричал Лесовик. Волна обрушилась.

„Ну, вот я и погиб“, подумал мальчик и зажмурился.

И в тот же миг лодка перестала качаться. Волны отхлынули с ревом. Водяной взвизнул. Лесовик захохотал. Мальчик открыл глаза и увидел чудо.

Лодка стояла на большом илистом острове. Далеко-далеко в тумане прыгали мелкие волны и блестел нос Водяного.

— Что это? — спросил мальчик.

— Что это такое? — завизжал Водяной.

— Я приказал всему илу опуститься, а дну подняться! — прогремел Лесовик. — Земля — это мое хозяйство. Дно мне покоряется.

Молча протянул Водяной лапу и потащил лодку с мальчиком в море. И снова обрушилась на мальчика волна. И новый остров поднялся над морем. Целые сутки не сдавалось упрямое чудовище, пока не протянулась новая земля. И мальчик пешком отправился домой. Он шел по плоской земле, и его босые ноги оставляли глубокие следы в мягком иле. Земля была серая-серая, ровная-ровная, невеселая, сырая, но Лесовик хохотал от восторга, глядя на огромную новорожденную равнину. Туман рассеялся. Показалось солнце. Следы, которые оставили босые ноги мальчика, наполнились водою и заблестели.

— С добрым утром! — крикнул Лесовик новой земле. И она едва слышно прошуршала в ответ:

— Здравствуйте!

Когда мальчик рассказал дома обо всем, что с ним случилось, отец вскочил с постели. Все трое выбежали на берег и стали рядом с Лесовиком.

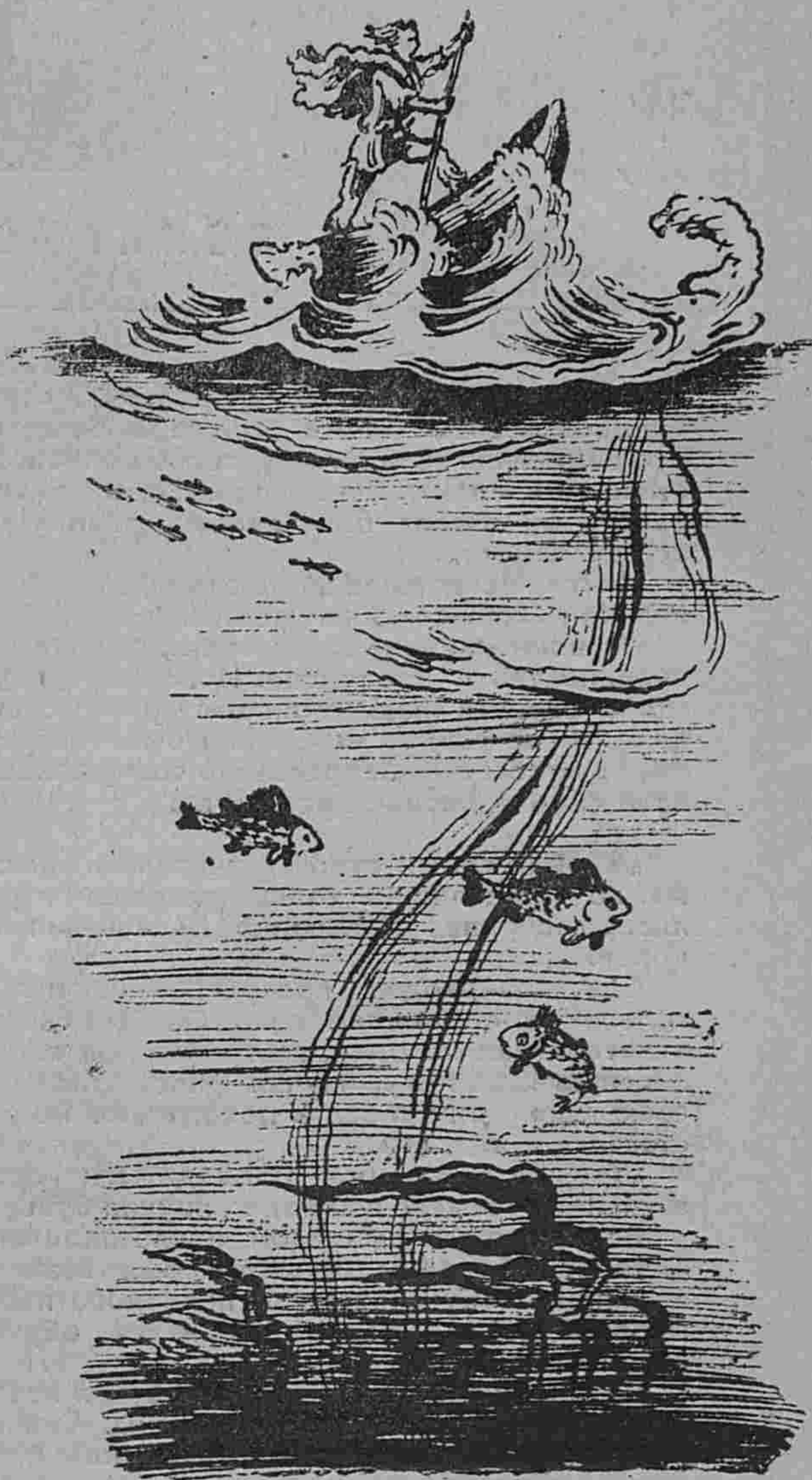
— Нравится тебе наша новая земля? — спросил Лесовик. — Как ты себя чувствуешь?

— Я совсем здоров, — сказал Человек.

— Я хочу взять вас всех на руки и поднять повыше, — сказал Лесовик.

И он поднял всех троих высоко в воздух.

— Видишь огромную реку, которая бежит

по равнине в море? Эта река для тебя. Она называется так: Нева, — сказал Лесовик. — Вон река поменьше. Она называется Фонтанка. Это для тебя, мальчик. На этой реке ты будешь учиться водить лодку и удить рыбу. А вон речка по имени Мойка. Это для хозяйства: посуду мыть, белье стирать. Поняли? Ну, а теперь живите на вашей новой земле и никому ее не отдавайте!

РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О ВОИНСКОМ МАСТЕРСТВЕ

„Ученье свет, а неученье тьма“, сказал Суворов в своей книге „Наука побеждать“. Это изречение великого русского полководца стало со временем поговоркой. Ведь за какую работу ни взялся бы человек, знания ему всегда помогут.

Никто не должен забывать об этом в дни великой Отечественной войны.

На войне нужны люди самых разных специальностей и профессий. И война требует, чтобы все эти люди были мастерами своего дела. И не только чтобы они были мастерами, но чтобы они непрестанно совершенствовали свое воинское мастерство.

„Война самый строгий учитель, и она ставит хорошие оценки только усердным и умелым“, говаривал Александр Васильевич Суворов.

Сам полководец прекрасно изучил не только одно военное дело. Он был сведущ в математике, истории, географии. Он владел восемью языками и изучал философию. Всю свою жизнь он провел в походах, но не расставался с книгами.

„Тяжело в учении — в походе легко, легко в учении — тяжело в походе“, поучал Суворов.

Еще молодым офицером, после окончания Семилетней войны, Суворов был назначен командиром Суздальского пехотного полка. Первым делом Суворов принялся обучать своих солдат.

Вот как, например, Суворов обучал пехоту проходить сквозь строй конницы. Сначала всадники стояли на месте, а пехотинцы с песнями, с музыкой, с барабанным боем и развешивающимися знаменами шли на конницу. По началу лошади пугались этой шумной, надвигающейся на них лавины людей, и животных приходилось сдерживать. Но вот подходили пехотинцы к лошадям, ласкали их, давали им из рук хлеб. Так повторяли несколько раз. Лошади приучались не пугаться пехотинцев, которые шли или бежали на них.

На следующих учениях пехотинцы оставались стоять при приближении кавалеристов. Пешие солдаты только расступались, чтобы между их рядами могли проехать всадники.

В первый раз кавалерия шла шагом, в другой раз — рысью, потом галопом и, наконец, мчалась карьером.

Дальше учение усложнялось: теперь пехота встречала конницу выстрелами. Для начала стреляли холостыми патронами в воздух, а потом и навстречу коннице. После нескольких таких занятий лошади уже сами рвались в бой. Ведь после занятий животных ждали кормежка и отдых.

На этих учениях закалялись сила воли, стойкость и мужество суворовских солдат. Схватка учебного боя походила на настоящую рукопашную битву. При немолчном барабанном бое, при звуках выстрелов, при криках офицеров: „Коли! Руби!“ пехотинцы должны были прорваться сквозь строй кавалерии, пройти „противника“ и мгновенно привести себя в порядок, равняясь по передовым.

Так обучал Суворов своих питомцев искусству боя, воспитывая в них боевую находчивость, сноровку и отвагу.

Со времени этих первых Суворовских учений прошло без малого двести лет. Много изменилось с тех пор. На полях сражений появились авиация, бронированные танки, скорострельные пушки и пулеметы и многое другое. Совершенная военная техника требует от бойцов больших знаний. Любая боевая машина становится только тогда разумной и послушной, когда ею управляет опытный, знающий человек. И поэтому воинская выучка, боевое мастерство, военные знания человеку еще более необходимы, чем во времена Суворова.

В этом залог нашей победы над врагом, учит нас Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

Будущие летчики, танкисты, связисты, радисты, военные инженеры учатся вдали от фронта, в глубоком тылу.

Будущего водителя танка, например, обучают сначала водить... игрушечные танки. Ученик сидит в кабине: она похожа на настоящую кабину танка, в ней есть все приборы, рычаги, кнопки. Но кабина находится не в танке, а в учебной комнате. Множество проводов соединяют ее с игрушечными тан-

ками. И здесь будущий танкист получает те навыки, которые необходимы ему, чтобы управлять настоящей машиной. Он нажимает один рычаг и видит: игрушечный танк остановился. Он меняет скорость, — и маленький танк побежал скорей. Только после того, как ученик в совершенстве научится управлять учебным танком, он пересаживается в кабину настоящего танка. И здесь сначала он учится вести танк в одиночку, а потом идти в марше целым подразделением. Команда танка: водитель, стрелок и заряжающий должны всегда суметь заменить друг друга. Поэтому водитель овладевает искусством метко стрелять, стрелок — вести машину.

Но вот обучение танкиста закончено. Он попадает на фронт, где местность изрезана крутыми холмами или где часто встречаются болота. Здесь уже необходима особая сноровка, чтобы без аварии пройти по крутому, иногда обледенелому склону или преодолеть болото. И танкисты, сражающиеся, например, на Ленинградском фронте, приобретают эти навыки в боевой обстановке.

Как учил и учит молодых танкистов гвардии полковник Хрустицкий? Чуть свет, по боевой тревоге танки отправлялись в поход. Они учились преодолевать поваленные деревья, рвы, лазить по откосам.

Однажды танкисты очутились перед высоким, крутым холмом, таким, на который, по их мнению, танк не мог взобраться. Но полковник Хрустицкий вызвал лучшего водителя и приказал ему идти.

На первый взгляд, это была неразрешимая задача. Но, взглядываясь повнимательней, молодой танкист решил, что если идти чуть боком, то, пожалуй, можно одолеть этот холм. Начал танк взбираться, а его водитель все ждет: вот-вот завалится его машина. Так, не веря себе, опасаясь за танк, танкист провел его до середины холма. А там уже дело пошло уверенней.

Но случилось, что новичок срылся и машина его заваливалась. Строгий учитель не позволял вызволить из беды неудачников. „Пусть сами себе помогают“, — говорил он.

И как ни трудно было потерпевшим, но они после долгих усилий, уставшие и раздосадованные, возвращали танк в строй.

В следующий раз они уже осторожней, внимательней одолевали крутой склон. Так неустанно танкисты совершенствовали свое мастерство.

Вот другой пример того, как учатся наши бойцы в боевых условиях. В боях на Белгородском направлении, например, немцы бросили на прорыв нашей обороны „тигры“ — танки-VI. Те самые тяжелые боевые машины,

которые, как кричали о них фашисты, неуязвимы для артиллерийского огня, которые огнем своих пушек и своей тяжестью снесут, сомнут, раздавят все на своем пути.

Но как ни хвалились немцы, их танки не прошли.

Наши бойцы знали, как остановить эти бронированные движущиеся крепости, хотя многие видели эти танки впервые.

Весной, задолго до начала боев, устраивали учебные атаки, — нашу мотопехоту „обкатывали“ собственными же танками, наподобие того, как Суворов учил пехотинцев встречать строй несущейся кавалерии.

Легче всего поразить танк снизу, где у него нет надежной брони. А для этого нужно дать танку перелезть через окоп и, улучив миг, бросить в него гранаты или бутылку.

Нужны большая выдержка и сила воли, чтобы остаться в окопе, когда на тебя на всем ходу надвигается колонна стальных чудовищ, оглушая грозным ревом своих моторов, страшным лязгом своих гусениц. Пронесясь над головой зарывшегося в окопе бойца, танк изрыгает огонь...

Для того чтобы люди не терялись, чтобы они знали, как следует бороться с танками, во время учений наши танки десятки раз проносились над окопами, где засели бойцы, останавливались над окопами, вертелись на их краю.

И наши отважные бойцы на практике убедились: если хорошо зарыться в землю, то никакой танк не страшен.

Когда в настоящем бою не свои, а немецкие танки „тигры“ пошли на наши окопы, бойцы вступили с машинами в единоборство и победили их.

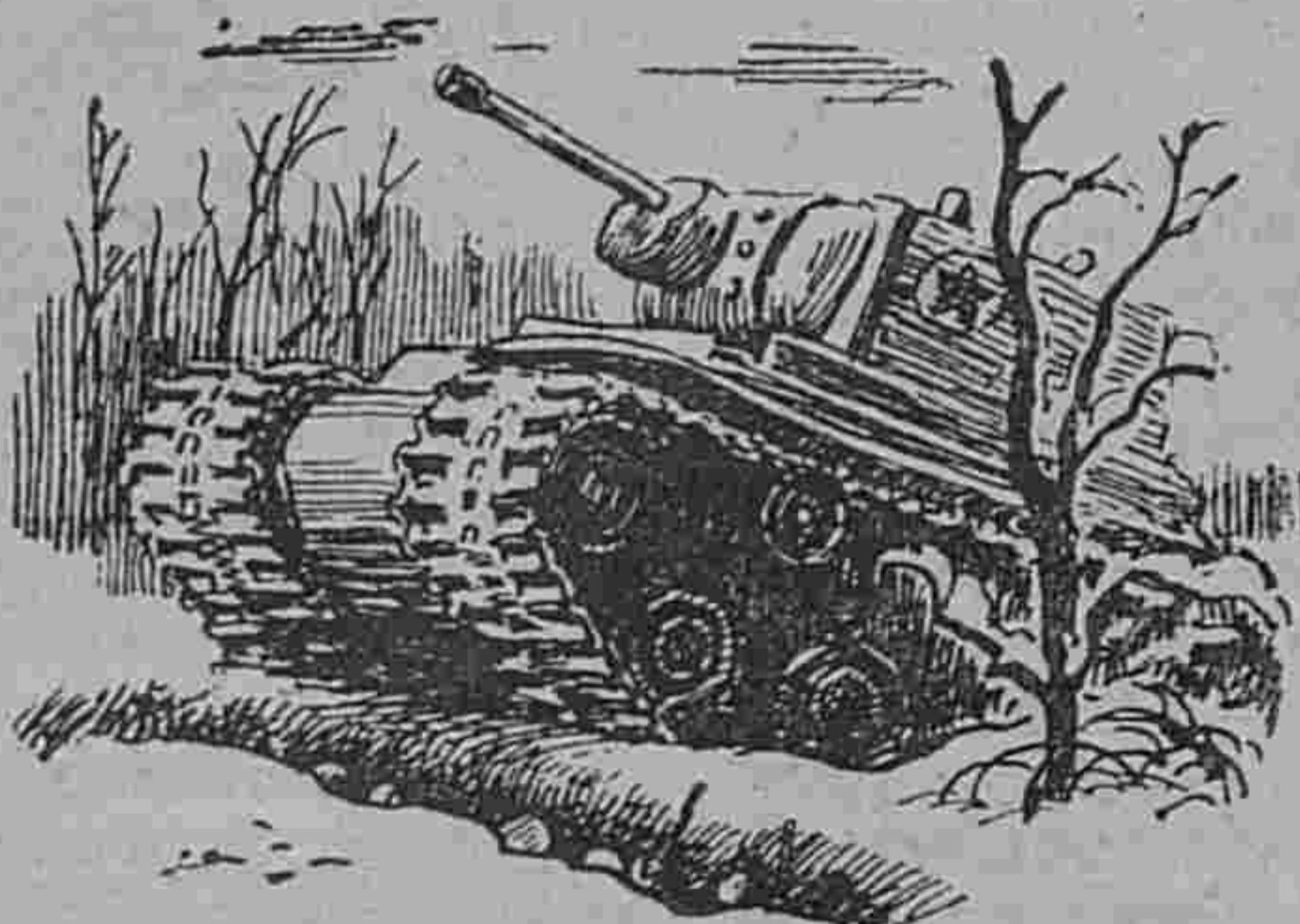
„Война ставит хорошие оценки только усердным и умелым“, — сказал Суворов.

Это хорошо помнят наши бойцы и офицеры, и они ни на минуту не прекращают своей учебы.

„Учиться, учиться и еще раз учиться“, — завещал нам Владимир Ильич Ленин.

Эти слова должны стать девизом каждого школьника, каждого пионера. Учиться, отлично учиться в дни войны — это долг пионера, такой же священный, как долг солдата защищать свою Родину.

В час победы над подлым врагом стране понадобятся тысячи тысяч людей, вооруженных знаниями. На смену тем, кто отдал свои силы, знания, жизнь за Родину, придете вы, те, кто учится сейчас в школе. Вот почему ни на минуту вы не должны забывать Ленинские слова: „Учиться, учиться и еще раз учиться“.

О СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ

СТО МЕТРОВ БОЛОТА

Павел Лукницкий

Две армии вот уже целый месяц дрались за этот ничтожный лоскут земли шириной в сто метров. Если б этот участок был действительно твердой землей, на нем нагромодились бы целые горы изорванного в клочья металла. Но здесь было болото, поэтому и металл и трупы тонули в жидкой грязи. Впрочем, когда-то здесь был еще лес, но от него теперь не осталось и пней. Вывернутые, искрошенные разрывами мин и снарядов, они превратились в полужидкую труху, оседающую на дне наполненных черной водой воронок.

Это мертвое, искрошенное болото оказалось необычайно ценным и важным. Оно „язычком“ вклинивалось в линию нашей обороны. За овладение им совершались подвиги, каждый метр болота мог бы рассказать о героизме тех, кто пал на нем смертью храбрых...

Несколько раз, после ожесточенных атак, казалось уже, что эти сто метров навсегда остались за нами. Но фашисты подбрасывали новые силы, кидали в бой свежие роты, и клочок болота опять переходил к ним. Мы выгоняли немцев снова, и так повторялось несколько раз, пока это болотце не стало ничьим, — его одинаково простреливали и мы, и фашисты.

Командиры — от начальника штаба подразделения до командующего армией — помнили об этом клочке и упорно думали о том, что следует предпринять дальше.

И, наконец, решили: соседняя стрелковая часть обойдет немцев с правого фланга, выйдет им в тыл, и тогда можно будет ударить по врагу с двух сторон.

Фланговый удар нанесли крепко, — фашисты побежали. Их преследовали. А для того, чтобы прочистить болото и соединиться с нашей обошедшей немцев с тыла стрелковой частью, было послано небольшое подразделение.

Но тут командир этого подразделения Арсеньев заметил приближающиеся с левого фланга немецкие запасные части. Они грозили отрезать ушедшие далеко вперед наши части. Тогда Арсеньев немедленно кинул свое подразделение в бой. Атака развернулась столь стремительно и внезапно, что около двухсот немцев было убито. Этот кусок болота снова остался за нами, а бойцы Арсеньева, продолжая рукопашный бой, повели наступление. Немецкие пушки и пулеметы теперь били в немцев прямой наводкой. Здесь, на правом фланге, еще сохранилась от прежних лесов изрубленная снарядами круглая роща. В ней укрылись немцы, а на них, с трех сторон, наступали наши войска,

Немцы находились явно в невыгодном положении. И они начали отступать. Это был прекрасный успех, и если б у Арсеньева нашлись силы преследовать их, он не выпустил бы немцев живыми из рощи. Но сил у Арсеньева было мало. А немцы,

отступая, устремились к болоту, где теперь не было наших бойцов. И Арсеньев понял: все пойдет на смарку, если немцы овладеют болотом. Все жертвы окажутся напрасными, и снова нужно будет бесконечно и досадливо решать все ту же невеселую тактическую задачу...

И Арсеньев решил во что бы то ни стало опередить немцев. С пятью бойцами он бросился им наперерез. Но увидел, что немцы уже ворвались в пустые, покинутые ими в начале сражения два дзота. Это могло бы решить исход операции, если б неподалеку от себя Арсеньев не заметил брошенной немцами пушки и снарядов, лежащих возле нее. Вместе с пятью бойцами Арсеньев кинулся к этой пушке, перекатил ее через немецкую траншею и, под немецкими пулями, потащил напрямик к дзотам. Он поставил пушку в шестидесяти пяти метрах от дзотов. Арсеньев не был артиллеристом, но все же навел орудие на середину правого дзота и, скомандовав себе „огонь“, дал первый выстрел. Пули немецких снайперов свистели вокруг и впивались в болото. Несколько пуль задела одежду Арсеньева. Но бойцы подавали ему снаряды, — и после седьмого выстрела дзот рухнул. Из-под развалин выскочили два немца, но и они далеко не ушли. Позже бойцы насчитали под обломками дзота тринадцать трупов. Арсеньев развернул пушку и выпустил несколько снарядов по второму дзоту. Увидев, что на подмогу бегут бойцы и навстречу им из рощи устремляются немцы, он показал стоявшему рядом с ним бойцу, как надо стрелять из пушки, а сам побежал за бойцами, чтобы организовать атаку.

Немцы залегли в траншее. Тридцать два бойца подготовили гранаты к бою, и, когда Арсеньев крикнул им: „Орлы, за Ленинград!“, они бросились вперед на траншею. Бросок был так стремителен, что, ворвавшись в траншею, бойцы убили двенадцать немцев, тридцать ранили, одного взяли в плен, захватили четыре радиостанции и две пушки. Бросились дальше, захватили два дзота и два блиндажа. Больше сражаться было не с кем, — остальные немцы бежали из рощи и, преследуемые другими бойцами, падая на бегу, исчезли из поля зрения...

Арсеньев вернулся на свой командный пункт. Здесь он узнал, что и роща и болото вокруг остались за нами.

Сто метров болота, за которые целый месяц дрались две армии, остались у нас в тылу. История этого клочка безжизненного болота на этом закончилась. Никого больше не интересовал ничемный участок искромсанной болотной гущи, но военные историки не забудут этого эпизода, они отметят доблесть русских воинов, защищавших в дни Отечественной войны Ленинград.

КАК ТОЛСТОЙ СОЗДАВАЛ „ВОЙНУ и МИР“

9 сентября 1943 года исполнилось сто пятьдесят лет со дня рождения великого писателя Льва Николаевича Толстого — автора замечательного романа „Война и мир“.

В „Войне и мире“ Лев Толстой запечатлел одну из самых героических эпох нашей истории. Книга рассказывает о событиях более чем статридцатилетней давности, книга написана почти восемь десятков лет тому назад, — а мы читаем ее с таким интересом, как будто все это происходит сейчас.

Как же создавал Толстой этот роман?

Летом 1863 года Толстой начал писать повесть о декабристе, возвращающемся в 1856 году из Сибири в Россию. Но вскоре Толстой оставил начатое и перешел к событиям 1825 года. Изучая движение декабристов, Толстой понял, что истоки этого движения лежат в эпохе Отечественной войны 1812 года. Тогда Толстой, как он сам признавался, „другой раз бросил начатое и стал писать о времени 1812 года“, предполагая показать молодость декабриста. Углубляясь в исторические материалы, Толстой увидел, что сначала необходимо остановиться на событиях 1805 года. В это время Толстой собирался написать небольшой семейный роман под заглавием „Все хорошо, что хорошо кончается“. Но чем больше он знакомился с воспоминаниями и письмами людей начала XIX столетия, чем глубже вдумывался он в настроения своих героев, тем отчетливее вырисовывались перед ним черты будущей огромной исторической эпопеи. В роман пришлось ввести Александра I, Наполеона, Кутузова, Сперанского. В 1865 году Толстой записал в своем дневнике: „Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона“.

Когда, где и как почерпнул Толстой материал для воссоздания широкой русской и европейской жизни?

Прежде всего Толстой хорошо знал быт и нравы Москвы и деревни, чувствовал и любил русскую природу, понимал думы и чаяния народа. Создавая образы русских людей сравнительно недавнего прошлого, он нередко воспроизводил черты окружавших его людей. Так, в Наташе Ростовой отразились черты жены Толстого и ее сестры. В Пьере и князе Андрее многое восходит к самому Толстому, хотя, конечно, ни тот, ни другой не являются автопортретами. Участники походов 1805 — 1814 годов своими рассказами помогли восстановить множество характерных черточек и

мелочей жизни и быта эпохи Отечественной войны 1812 года.

Военные главы „Войны и мира“ Толстой мог написать так точно и правдиво прежде всего потому, что он сам был офицером. В осажденном Севастополе нашел Лев Толстой живые прообразы своих будущих героев — ротного командира Тимохина, капитана Тушина и солдата Платона Каратаева.

Толстой знал военное дело и интересовался им. Когда понадобилось описать Бородинское сражение, Толстой поехал на Бородинское поле. Здесь он пробыл два дня, дважды объехал все поле, делал заметки, составил план сражения, который напечатал потом в своей книге.

Чтобы написать „Войну и мир“, писатель прочел много военных и исторических книг. Достаточно было малейшего намека, чтобы перед художником воскресло прошлое, наполнилось бы звуками и красками живой жизни. Вот почему книги, планы, карты, гравюры, заполнявшие рабочую комнату Толстого в Ясной Поляне, не были для Толстого мертвыми документами, это были как бы живые свидетели недавнего героического прошлого. Из Москвы, из Петербурга друзья Толстого отправляли в Ясную Поляну книги и исторические рукописи. Толстой работал над ними как историк-исследователь, сопоставлял разные показания современников, но брал из всего прочитанного лишь то, что было ему необходимо для его романа.

В романе Толстой утверждает, что Россию спасли от рабства, от иноземных захватчиков крестьяне, народ, поднявшийся на защиту Родины. Толстой с иронией описывает споры генералов, преимущественно иностранцев, о русских военных планах. Особенно высмеян немец Пфуль — воплощение прусской военной науки: „один из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми бывают только немцы, и потому именно, что только немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи“. Героями войны оказываются не гарцующие на конях генералы и свитские офицеры, а скромные боевые командиры, как Тушин и Тимохин, самоотверженные партизаны, мудрый Кутузов, берегущий людей и знающий, что главное дело в духе войска, в народном подъеме.

Но настоящая героическая история начинается со страниц третьего и четвертого томов „Войны и мира“. Наполеон вторгся в Россию. Русский народ увидел врага на своей земле, началась Отечественная война, война, в которой отстаивались жизнь и честь Родины. Толстой безжалостен к без-

Лев Николаевич Толстой

душным карьеристам, к петербургским салонам, к московскому дворянскому клубу, к болтовне о любви к отечеству.

Иначе ведут себя любимые герои Толстого — Андрей Болконский, вечно ищущий Пьер, Денисов, Наташа, Кутузов, воплотивший в себе, подобно Платону Каратаеву, все лучшие черты русского народа. Каждый из них по-своему неразрывно связан с народом и судьбами Родины.

Эта народная война очистила и переродила любимых героев Льва Толстого. Эта народная война подняла Кутузова на историческую высоту гениального полководца. Толстой постоянно подчеркивает мудрую простоту и ясность этого человека. Солдаты видят в Кутузове своего родного отца.

Кутузов понимает: главная сила истории — народ, дух народа предрешает победу. Великий полководец Кутузов — чуткий выразитель этого духа народа.

Толстой развенчивает Наполеона. В его представлении Наполеон — исторический авантюрист. Как только полководец, считавшийся непобедимым, столкнулся с грозной народной силой, он растерялся, оказался беспомощным и смешным актером.

Ленин писал: „Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы“.

Идет третий год Отечественной войны народов Советского Союза против гитлеровской Германии. Красная Армия теснит врага на Запад. Это идет к новой, величайшей в истории человечества победе народ, героизм которого прославил Лев Толстой в замечательной книге „Война и мир“.

В. Мануйлов

„ПОГИБ ВО СЛАВУ РУССКОГО ОРУЖИЯ“

В первой гренадерской роте 77-го пехотного Тенгинского полка был такой обычай: каждый день на вечерней перекличке фельдфебель первым вызывал:

— Осипов Архип!

Человек, которого так звали, не мог откликнуться: его уже давно не было в живых. И неизменно отвечал вместо погибшего солдат, стоявший на правом фланге:

— Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении.

В полку все прекрасно знали историю славной гибели Архипа Осипова. И все же изо дня в день, из года в год фельдфебель вызывал Осипова. Такой чести после смерти удостаивались редкие люди.

Кто же такой был Архип Осипов?

Много лет прослужил в полку Архип Осипов. Во многих боях и походах участвовал он. И никто не мог упрекнуть его в трусости, малодушии.

Свой подвиг Архип Осипов совершил в 1840 году. Он служил тогда в батальоне Тенгинского полка, который защищал небольшую крепость „Михайловское укрепление“. Этой крепостью задумали овладеть враги.

Настал день, когда против пятисот человек защитников крепости двинулись шесть тысяч неприятельских солдат.

Капитан Лико, комендант крепости, собрал всех солдат и офицеров и сказал, что крепость придется защищать до последней капли крови.

Вечером, после сбора, покуривая свою трубочку, Архип Осипов сказал своим товарищам:

— Если враги прорвутся в крепость, я подожгу пороховой склад.

Поджечь пороховой погреб значило взорвать его, и, следовательно, погибнуть самому. Солдат сказал это спокойно, просто, так, как говорил обычно. Но товарищи его не сомневались, что Архип Осипов именно так и поступит. Они знали его как решительного и смелого человека.

Поверил Архипу Осипову и капитан Лико. Он поцеловал солдата и со словами: „Будь верен своему долгу“ отдал ему ключи от порохового погреба.

Через несколько дней начался штурм. Верные своему слову русские солдаты сражались упорно и яростно. Но задержать, отбросить неприятеля они были не в силах. В дыму рукопашной мелькали штыки, шашки, кинжалы. Один за другим падали

сраженные насмерть защитники крепости. А враг уже преодолел ров. Вот закипела жаркая схватка на крепостных стенах. Уже пал под ударами врага сам капитан Лико.

Наступило время выполнить свое обещание. Архип Осипов скинул мундир, схватил фитиль, запалил его и крикнул:

— Пора, братцы! Кто останется в живых — помните мое дело!

Потом, ни минуты не мешкая, с горящим фитилем он бросился в погреб. Мгновение спустя взрыв страшной силы потряс всю крепость. К небу взметнулось пламя; бревна, камни, земля, люди полетели в воздух...

Больше трех тысяч неприятельских солдат погибло при этом взрыве. А те, кто уцелел, оглушенные, испуганные, бросились бежать прочь.

Но взрыв не пощадил и защитников крепости. Спаслось только несколько человек: от них и узнали о замечательном подвиге рядового солдата Архипа Осипова.

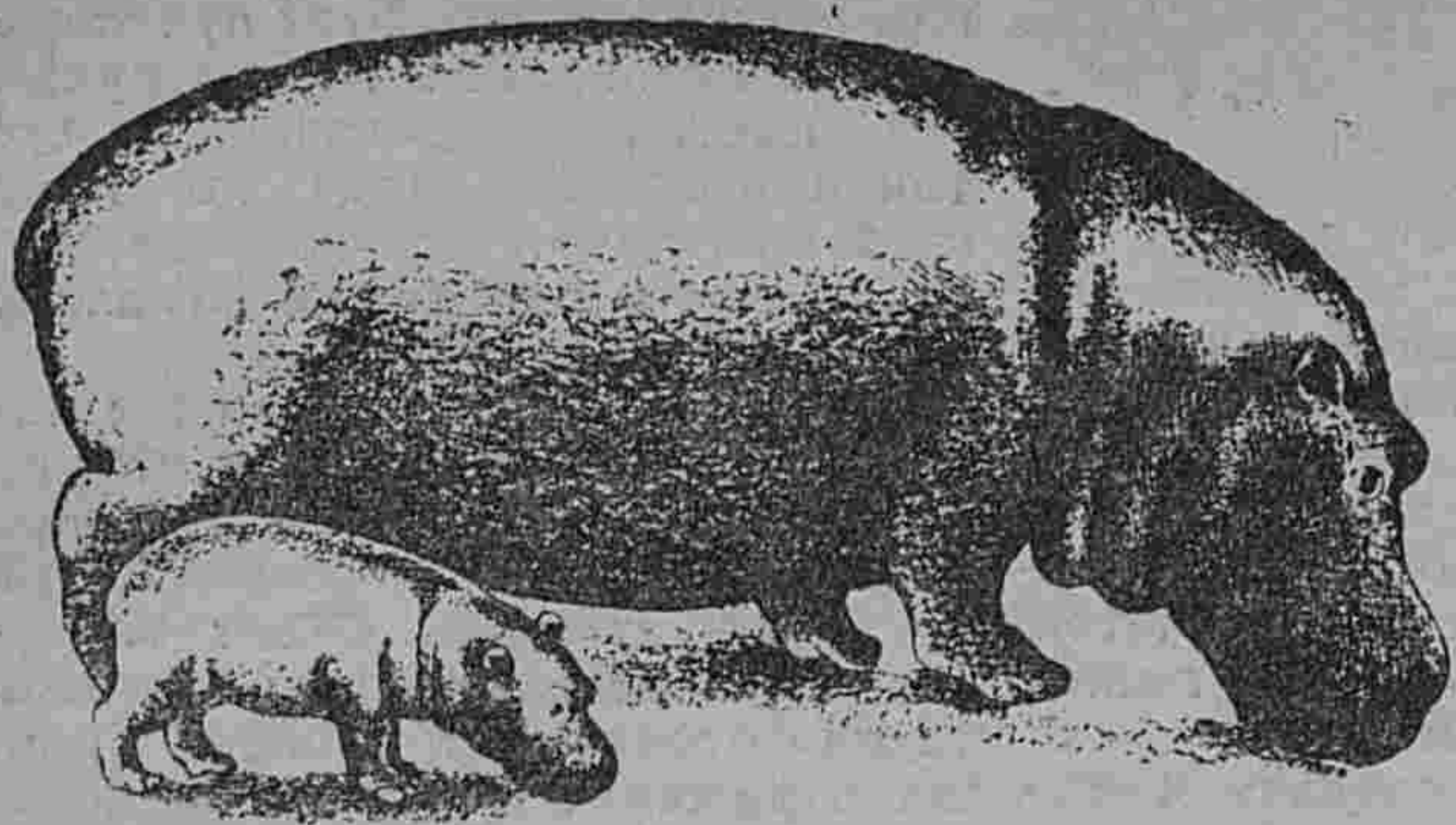
Человек, который так горячо любил свою родину, достоин был того, чтобы имя его не забылось. Поэтому на месте гибели Архипа Осипова поставили памятник, а на нем сделали надпись:

77-го пехотного Тенгинского полка рядовому Архипу Осипову, погибшему во славу русского оружия 22-го марта 1840 года в укреплении Михайловском, на месте которого сооружен памятник.

Как гордились тенгинцы, старые и молодые, героем своего полка — Архипом Осиповым! И каждый вечер, когда солдаты слышали слова: „Погиб во славу русского оружия“, они вспоминали героя, походить на которого хотели они все.

Прошло сто лет. Враги-немцы ворвались на нашу землю. Они разрушили памятник, воздвигнутый Архипу Осипову.

Но Красная Армия выгнала фашистов из селения Архип-Осиповки. И сразу же местные жители вместе с воинскими частями восстановили этот дорогой сердцу русского памятник. Потом наши бойцы воздали воинские почести герою, который погиб во славу русского оружия.

ЕДИНСТВЕННЫЙ БЕГЕМОТИК

В нынешнем году в Московском зоопарке совершилось необычайное происшествие: родился бегемот. Событие это редкостное. Бегемоты обычно в неволе не размножаются, и в зоопарках СССР бегемот родился впервые.

Многие животные, например медвежата, при рождении совсем не похожи на взрослых медведей, а бегемотик — это маленькая, но точная копия взрослого бегемота. У него обнаружился даже солидный бас, чуточку слабей, чем у его родителей.

Маленький бегемот сразу же стал уверенно плавать. Вес новорожденного около сорока килограммов. Определить точнее, сколько весит бегемотик, не удастся, хотя за каждым его шагом тщательно наблюдают сотрудники зоопарка. Взвесить бегемотика не позволяет его мама-бегемот. Она ни на минуту не оставляет детеныша без присмотра и никого к нему не подпускает.

Однажды за изгородь на площадку зашел рабочий, чтобы произвести небольшой ремонт. Как яростно кинулась на него бегемотиха, раскрыв свою гигантскую пасть! Никто никогда не видел ее такой свирепой. Рабочий должен был сразу же уйти.

Бегемотиха кормила своего детеныша всегда под водой. Она так боялась оставить его одного, что не решалась взобраться на площадку и там поест.

Научные сотрудники заметили, что под водой время от времени бегемотиха старалась вскинуть своего малыша к себе на загривок. И сам бегемотик пытался залезть маме на спину. Сначала было неясно, что означают эти попытки. Никто не читал и не слышал об этом. Правда, мало кому удавалось наблюдать первые дни новорожденного бегемота.

Но известно было, что на воле бегемотихи проводят много времени на отмелях со своими детенышами. Может быть и в неволе мамаша-бегемот старалась перетащить своего любимца на сушу.

Тогда решили устроить в бассейне, где помещались бегемоты, отмель. Дно бассейна покатое, и когда часть воды спустили, то образовалась как бы мель.

Теперь бегемотиха может обедать без помех, не покидая своего детеныша.

Случается, что нежность заботливой мамашы переходит всякие границы. Как-то раз она так сильно прижала своего любимца к стене, что тот отчаянно, негодуя закричал. Но бегемотиха, обычно неповоротливая и грузная, мгновенно отскочила в сторону и с беспокойством стала оглядывать бегемотика. Вот какая нежная мамаша-бегемот!

„МЕ“ И „ЛА“

(Авиавстреча)

А. Флит

Погода солнечной была,
И летний день неподражаем...
„МЕ“ мчался в небе, как стрела,
Высоко над передним краем,
Но повстречался с нашим „ЛА“...
Как ни юлил хитрец завзятый,
Но „ЛА“ зашел фашисту в хвост,
И „МЕ“ почувал час расплаты:
МЕтался „МЕ“ в когтях орЛА,
МЕчтал прикрыться туч кусками,
Но „ЛА“ свинцовая метЛА
СмеЛА его за обЛАками.

ЛАзейки для спасенья нет, —
„ЛА“ дал по „МЕ“ лихую встречу,
ПришЛАся строчка эта в „точку“
От „МЕ“ в эфире МЕРкнет след;
НеМЕдленно „МЕ“ носом — в кочку...
ЛАзурь попрежнему светЛА
И в небе реют два крыЛА.
Коль встречу эту трезво взвесить,
Сказать придется нам опять:
Не может „Мессершмитт сто десять“
Ослаить „Лавочкина пять“!

КТО СИЛЬНЕЕ?

Раз поспорили солнце и северный ветер, кто из них сильнее.

— Я сильнее, — злился ветер.

Солнце не уступало.

В это время по дороге шел путник. Спорщики увидели его и решили: кто сорвет плащ с этого человека, тот сильнее.

Первым взялся за дело ветер. Он дунул так яростно, что небо сразу заволкло тучами. Путник задрожал от холода и поплотнее завернулся в плащ. Тогда северный ветер осыпал его мелким колючим снегом, но чем больше он тужился, тем усерднее кутался путник.

Пришла очередь солнцу попытать свои силы. Оно растопило снег, согрело озябшего человека и так припекло его горячими лучами, что ему сделалось жарко, и он сам скинул тяжелый плащ.

Так солнце переспорило северный ветер.

★

★

Очень часто на войне бывает необходимо срочно доставить план местности, план расположения своих или неприятельских войск, чертежи укрепления. Передать по телефону или по радио это почти невозможно. Трудно так „рассказать“ чертеж или план, чтобы его можно было точно воспроизвести. Поэтому приходится посылать с планом связного, нарочного.

Но успехи современной техники сделали возможным то, что долгое время представлялось неосуществимым, — мы научились передавать изображения на расстояния. Такая передача называется телевидением.

Вы знаете, как передаются звуки по радио? Звуковые волны заставляют колебаться мембрану микрофона, а колебания мембраны вызывают усиление и ослабление электрического тока, текущего по подходящим к микрофону проводам.

Эти усиления и ослабления точно совпадают с усилениями и ослаблениями звуков, издаваемых перед микрофоном. Ток этот, непрерывно меняющийся вслед за изменениями звуков, подходит к антенне радиостанции и, двигаясь вдоль этой антенны, вызывает в окружающей среде радиоволны. Достигая приемной антенны, радиоволны вызывают в ней тоже такой же меняющийся ток, как и в отправительной антенне. Ток этот подходит к мембране репродуктора в приемнике и заставляет ее колебаться точно так

же, как колеблется мембрана микрофона, т. е. издавать такие же звуки, какие произносились перед микрофоном.

Но как заставить электрический ток передать на огромные расстояния очертания предметов, причудливые изгибы их линий, игру их света и тени?

Можно ли это сделать с помощью мембраны? Может ли световой луч заставить колебаться мембрану так, как это делает колеблющийся воздух?..

Очевидно, нет.

У светового луча слишком мало энергии, чтобы заставить колебаться мембрану. Значит, обыкновенную мембрану нужно заменить каким-нибудь другим, более чувствительным прибором, который будет служить, так сказать, „световой мембраной“. Таким прибором является фотоэлемент. Электрический ток в фотоэлементе возникает под действием светового луча.

Если на прибор падает слабый луч света, то в цепи, в которую включен прибор, возникнет слабый ток. Луч более сильного света вызовет ток большей силы. В темноте тока не будет совсем.

Остается перевести наш чертеж на „язык“ электрического тока. Представьте себе, что мы направили узкий луч света на

чертеж, изображение которого нам надо передать. Этот луч света как бы карандаш в наших руках. Мы постепенно освещаем все точки чертежа, вода по нему световым лучом как карандашом, как будто мы переводим на кальку какой-нибудь рисунок.

Перед нашим чертежом мы помещаем фотоэлемент, так что на него будет падать световой луч, отражающийся от чертежа. Когда наш луч-карандаш будет скользить по светлым местам чертежа, то на фотоэлемент попадет больше отраженного света. Следовательно, и ток в фотоэлементе будет сильнее. Когда наш луч-карандаш падает на темное место, на фотоэлемент падает, конечно, меньше отраженного света, а значит — и ток в цепи слабее. Как вы уже догадались, фотоэлемент играет в нашей цепи роль мембраны. Это мембрана преобразует свет в электрический ток. А это — основное для нас. Все остальное происходит так же и в случае передачи звука. С той только разницей, что вместо мембраны репродуктора в приемнике помещают прибор, который в зависимости от силы тока дает больше или меньше света. Из этого прибора выходит световой луч, который, попадая на фотопластинку и скользя по ней, запечатлевает изображение чертежа.

Так с помощью остроумно устроенного прибора — фотоэлемента — люди разрешили сложную задачу передачи изображений на далекие расстояния.

СОДЕРЖАНИЕ

2000 миль под водой. Повесть А. Зонина. Рис. Н. Петровой	2	О смелых и отважных Сто метров болота. П. Лукницкий	20
Пионер! Будь как Чапаев!	7	Как Толстой создавал „Войну и мир“. В. Мануйлов	21
Степная быль. Поэма В. Лифшица	8	„Погиб во славу русского оружия“.	22
Малая война. Очерк О. Кузнецовой	9	Единственный бегемотик.	23
„Соска“. Рассказ З. Ивановой, ученицы 4-й школы	11	„МЕ“ и „ЛА“. Стихи А. Флита	23
Дела и досуги юных ленинградцев. Фото Медведева (Союзкинохроника)	12	Кто сильнее?	23
Ленинградская сказка. Е. Шварц. Рис. В. Конашевича.	14	Радиоглаза. Очерк Л. Веккера	24
Расскажите на пионерском собрании О воинском мастерстве. Рис. Н. Петровой	18	Суворов и старые солдаты. Рис. Н. Полозова. 2-я страница обложки.	
		Штопай сама. 3-я страница обложки.	
		Сказка. Стихи А. Прокофьева. Рис. Т. Цинберг. 4-я стр. обложки.	

На обложке рис. А. Пахомова „И я буду бойцом!“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ, ФОНТАНКА, 31.
Непринятые рукописи не возвращаются.

Редколлегия: Г. Яблонская отв. редактор), Ф. Октябрьская, Н. Штейнварт, Л. Успенский, Н. Теребинская

Штопай Сама

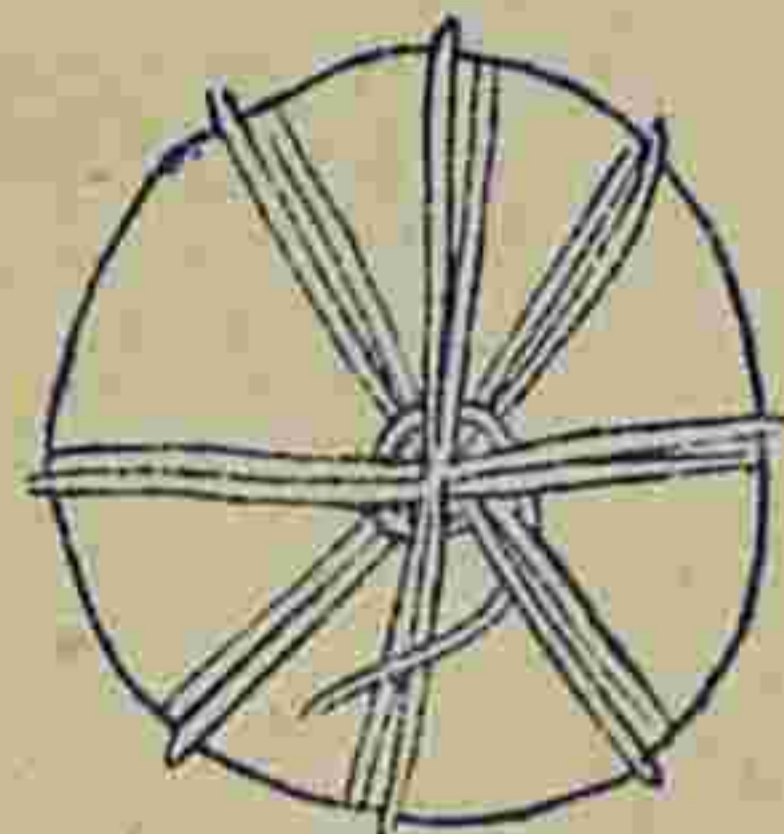
Чулки и носки рвутся легко и часто. Появится крохотная дырочка, и если ее сразу не заштопать, то она превратится в зияющую пустоту.

Совсем не трудно заштопать небольшую дырку. Для этого надо взять иголку (не очень тонкую), штопку (под цвет чулок) и деревянную ложку или грибок. То место чулка, где появилась дырка, натягивают на ложку или гриб и ниткой стягивают края дырки.

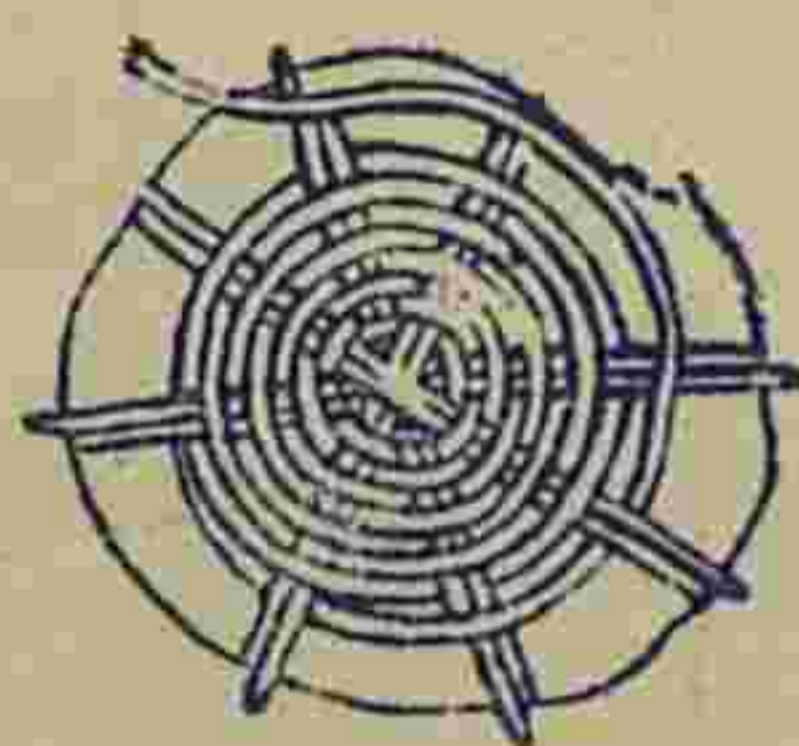
Можно штопать по-разному, например наподобие того, как тклет свою паутинку паук. Всю дыру стягивают (не сильно) многими нитками, которые перекрещиваются в середине, а по краям дырки их закрепляют каждый раз стежком (рис. 1). Потом каждую из этих длинных ниточек перебирают иголкой: один раз поверх нитки, другой — под ниткой, до тех пор, пока вся дыра не будет затянута штопкой (рис. 2).

Можно всю дырку затянуть параллельными продольными рядами нитки, — получается подобие изгороди (рис. 3). А потом уже в поперечном направлении начинают снова иголкой перебирать все ряды этой изгороди. Один раз под ниткой, другой раз над ниткой, от одного края дырки до другого. У края дырки нитку надо закрепить и начать перебирать в обратном направлении. Так перебирают то в одну, то в другую сторону до тех пор, пока штопка не заполнит всей дырки в виде плетёной сетки (рис. 4). Можно затянуть дырку сеткой, которая похожа на вязанье (рис. 5).

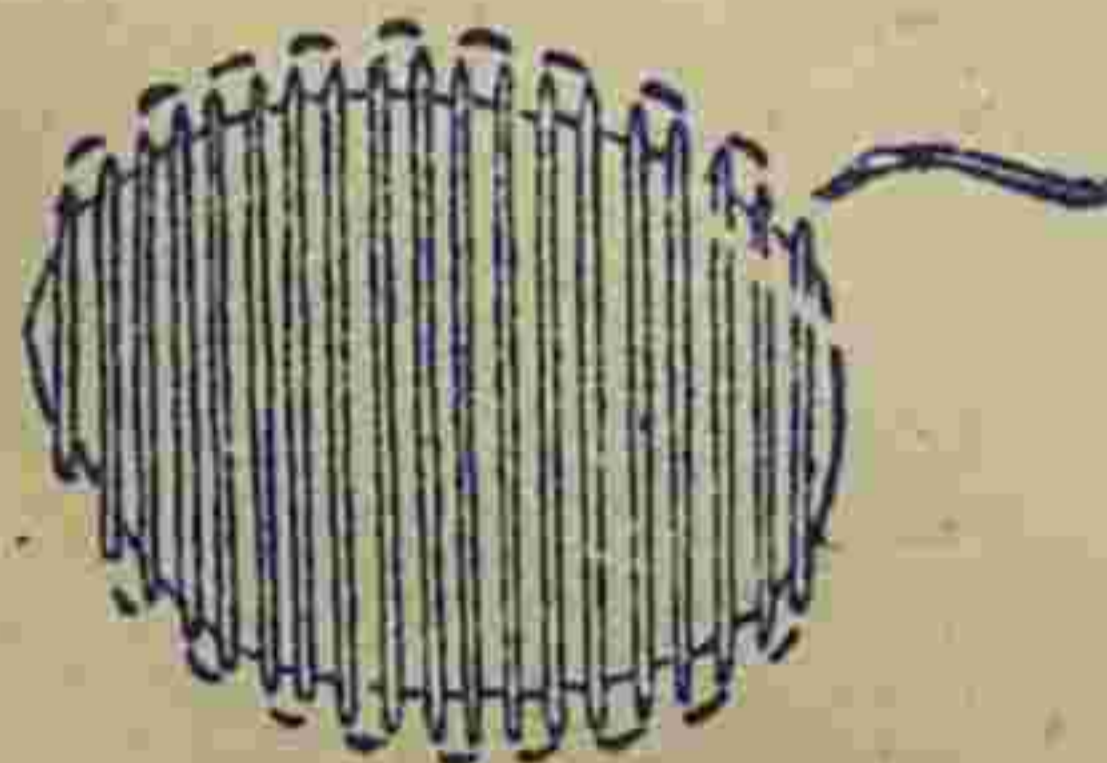
Бывают совсем другие дырки — узкие и длинные. Такие дырки зашивают так, как показано на рис. 6.

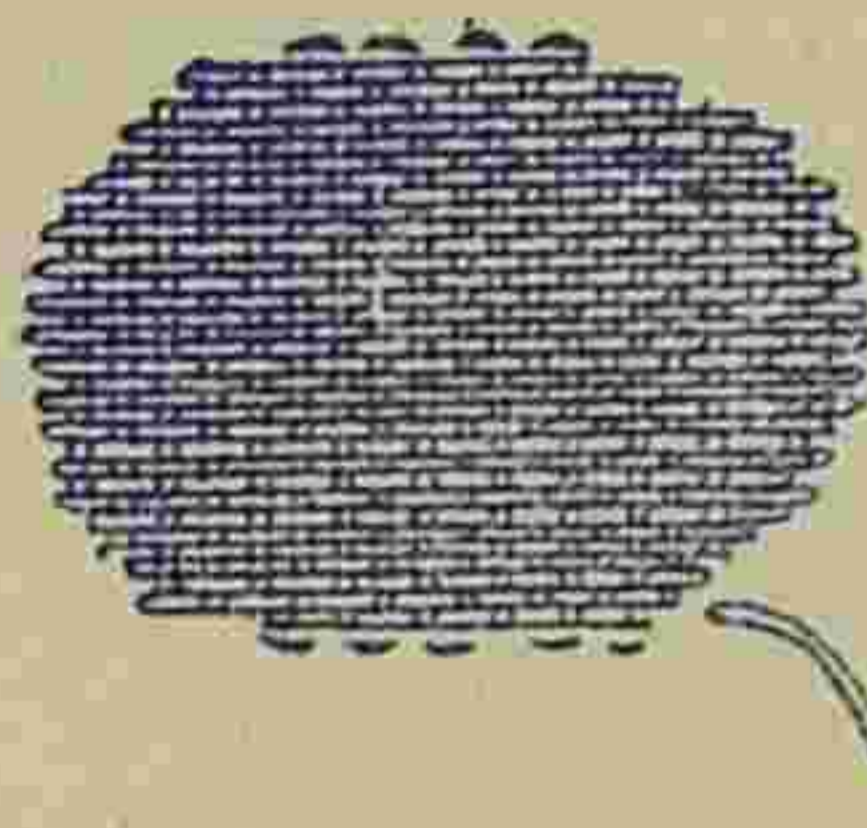
1

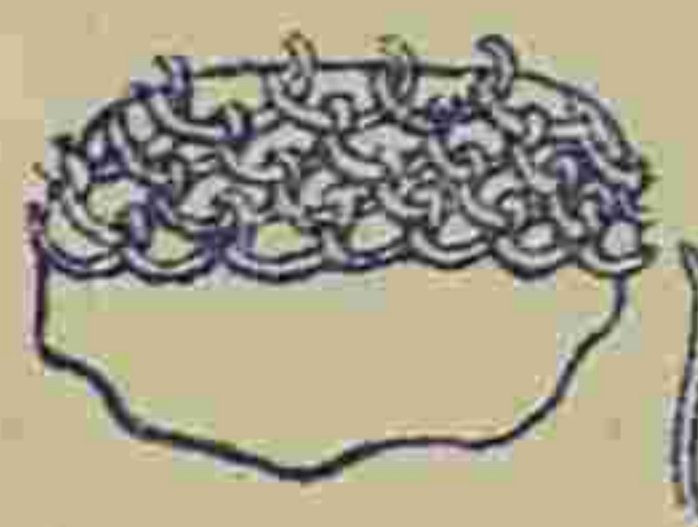
2

3

4

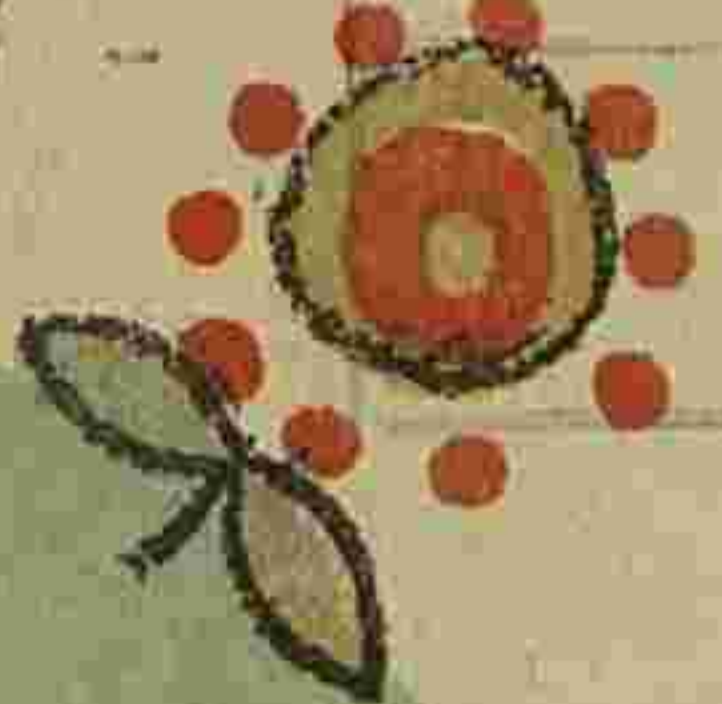

5

6

По лугам, по редкоборью
Всей порою вешнею
Ходит сказка Беломорьем,
Перегудка здешняя.

Пересмех, перегуд,
Сказку люди берегут.

С ней рыбак живет на льдине,
С ней легка дорожка,
Ходит сказка вся в сатине,
В лаковых сапожках.

Исходила край лесной
В лаковых сапожках,
В кофте новой, радостной,
В платице горошком!

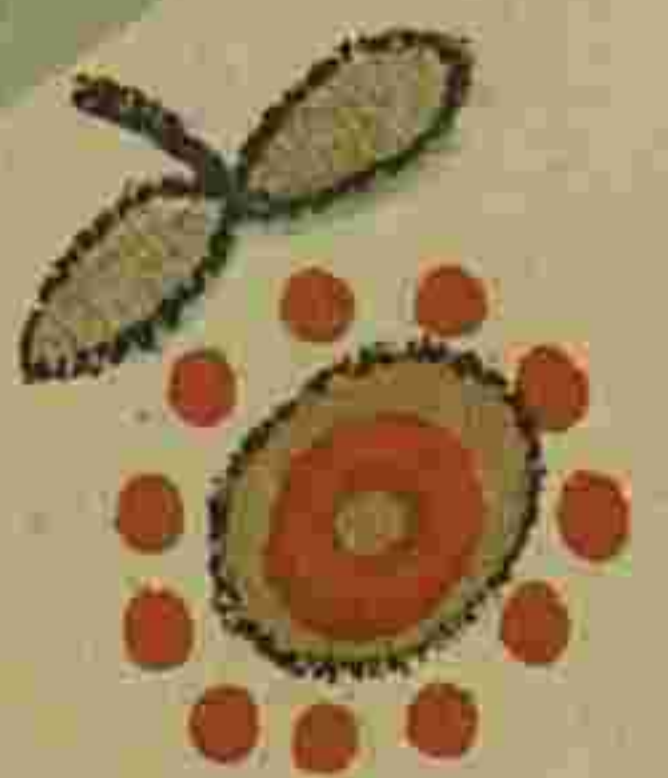
А зимой, а зимой
Путь во все края прямой,
В санках самокатках,
Гуси на запятках!

Сани с тормозами,
Едут они сами,
Распашные, расписные,
Вот какие сани!

Гуси на запятках,
Зайцы для порядка,
А настанут святки, —
Волки для оглядки!

Кое-где тряхнут ухабы
По дороженьке крутой...
„Жили-были дед да баба“,
Вот начало сказки той!

Александр Прокофьев

1941, г.
Кт № 268
Вкладн. л. 20